

ОНИ — ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ. ОНИ — ОПОРА ИМПЕРИИ

ОНИ — ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ.

МАРИНА
ЯСИНСКАЯ

АВИАТОРЫ

СЕРДЦЕ
ЛЁТНОГО
КАМНЯ

Авионеры

Марина Ясинская
Сердце лётного камня

«РОСМЭН»

2019

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ясинская М. Л.

Сердце лётного камня / М. Л. Ясинская — «Росмэн»,
2019 — (Авионеры)

ISBN 978-5-353-09148-6

Первая книга серии «Авионеры» Марины Ясинской, победителя IX сезона литературного конкурса «Новая детская книга». Авионера – профессия опасная, героическая и – исключительно женская. Авионеры – основа мощи и величия Арамантиды – покоряют небо на своих летных машинах-авионах, а самые отважные защищают границы, где то и дело вспыхивают военные конфликты с извечным врагом, Третьим континентом. Многие девушки Империи мечтают о полетах и подвигах, но далеко не каждая может разбудить аэролит – летный камень, с помощью которого авионы поднимаются в небо. Николь рей Хок это удалось, но... Теперь она на особом контроле у Министерства полетов. Как и ее новый знакомый Ансель рей Марн, решивший стать первым в Империи мужчиной-механикером. Тем временем в столице начинаются волнения, а Третий континент наносит серьезный удар по Арамантиде...

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09148-6

© Ясинская М. Л., 2019

© Росмэн, 2019

Содержание

Вступление	6
Глава	13
Глава	24
Глава	32
Глава	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Ясинская

Сердце лётного камня

Серии «Авионеры»

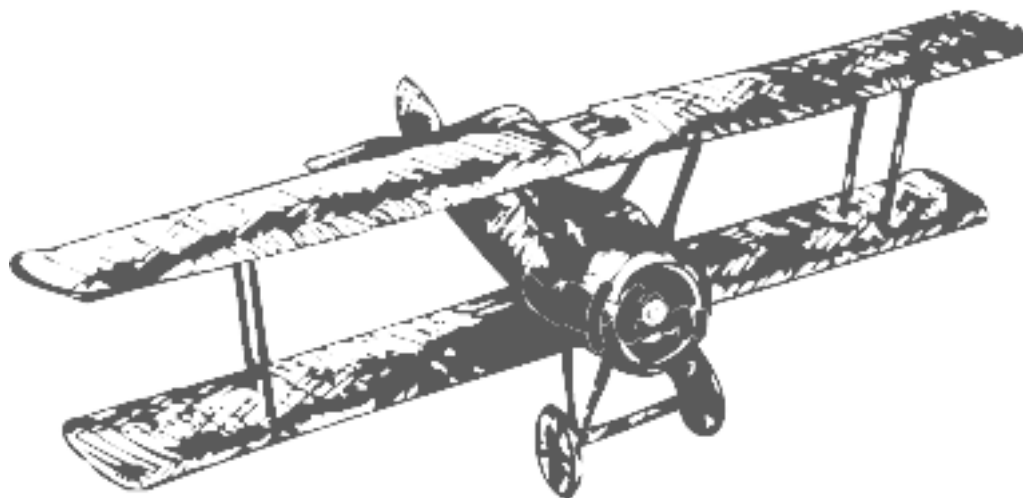

© Марина Ясинская, текст, 2019

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2019

* * *

Вступление

Кип в сотый раз поправил затейливо завязанный шейный платок, придирчиво осмотрел свое отражение в зеркале и тяжело вздохнул. Да, пускай он одет по последней моде – узкие серые брюки, приталенный черный фрак, яркий жилет в клетку, но даже одежда от лучших портных не могла изменить того факта, что у Кипа было круглое румяное лицо, нос картошкой, непослушные рыжие вихры, а также... кхм, некоторая полнота.

Недовольно нахмурившись, Кип сдернул шейный платок и бросил его на кровать, на гору уже отвергнутых собратьев.

– Что за день такой сегодня! – с досадой выпалил он. – Все не так!

– А по-моему, ты просто недостаточно стараешься и переживаешь, – небрежно заметил его приятель Ансель, сидевший на стуле в углу скромно мебелированной комнаты. В темнокарих глазах под широкими черными бровями сверкало ехидство. – Вон тот зеленый шейный платок ты примерил всего два раза. Это никуда не годится!

На самом Анселе шейного платка не было и в помине. Как, впрочем, и модного жилета. Темные волосы, слишком длинные по требованиям современной моды, почти закрывали шею, но Ансель даже и не подумал уложить их в красивую прическу с помощью помады, лишь небрежно забрал длинные пряди в хвост на затылке. Походило на то, что юноша игнорировал как моду, так и возможное общественное осуждение: он был одет в свободные, немного потертые штаны, просторную рубашку и удобный черный сюртук, и в этой неприглядной одежде чувствовал себя намного комфортнее, чем его приятель в нарядном, но тесном костюме.

– Дамам нравятся хорошо одетые и ухоженные джентльмены, – заученно отозвался Кип, послушно роясь в горке цветного шелка в поисках зеленого платка.

– Пфф! – непочтительно фыркнул Ансель. – И много ли толку от этих новомодных брюк? Ведь ты же даже присесть не можешь, такие они узкие! Собственно говоря, а ты уверен, что у тебя в них колени сгибаются? Потому что как ни крути, но в танцах колени будут поважнее брюк... И брось ты уже этот кошмарный платок! Я пошутил.

Кип озабоченно согнул ногу в колене. Результат не утешал: колено отказывалось сгибаться больше чем на сорок пять градусов, а нога не поднималась от пола выше чем на десять дюймов. По крайней мере, не поднималась без риска для брюк, которые могли просто треснуть по швам от прикладываемых усилий.

– Ну и ладно, этого и для котильона хватит, и для вальса, – решил Кип. Сделал пару шагов к высокой кровати, осторожно присел на край и тут же вскочил. – А садиться мне и вовсе

не обязательно. На Ассамблеи ведь не сидеть ходят... Но все-таки что же делать с шейным платком?

– Вообще не надевать, – предложил Ансель.

Уверенный тон приятеля сбил Кипа с толку. Он беспомощно посмотрел на горку разноцветного шелка на кровати, перевел взгляд на свое отражение, потом – на Ансея.

– Но... но как насчет того, что нужно быть хорошо одетым, чтобы понравиться дамам? – неуверенно спросил он.

– Сколько я тебя знаю, ты всегда носил эти треклятые платки, вот и скажи, помогали они тебе с дамами до сей поры?

Кип покраснел. Дамским вниманием он избалован не был. Да что уж там, если говорить начистоту, то этим самым вниманием он был полностью обделен.

– Вот именно, – кивнул Ансель, не дожидаясь заранее известного ему ответа. – Потому что не в нарядах дело.

– Ну, конечно, еще и в манерах, – подхватил Кип, с готовностью ступая на знакомую почву прописных истин. – Джентльмен должен быть скромным и сдержанным, слушать даму с максимальным вниманием, не высказывать слишком смелых суждений и не делиться собственным мнением, особенно если оно отличается от общепринятого. Тихий, спокойный, застенчивый джентльмен...

– Очень быстро наскучит любой даме, – закончил за него Ансель.

Кип хотел было возразить, но посмотрел на развалившегося на стуле небрежно одетого приятеля и невольно подумал, что тот никогда не вел себя по правилам этикета, который вдалбливали в мальчиков с детства, но при этом неизменно пользовался дамским вниманием.

Мысленно плюнув на манеры, Кип расстегнул пуговицу на поясе брюк, с облегчением выдохнул и плюхнулся на кровать, прямо на пеструю горку шелка.

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю не страдать из-за шейного платка, – усмехнулся Ансель. Поймал умоляющий взгляд приятеля, так и просивший серьезного ответа, и решил больше не отшучиваться. – А еще я точно знаю, что если буду делать вид, будто у меня нет своего мнения, и что мне не интересно ничего, кроме рецептов выпечки и фасонов брюк, то надолго меня не хватит. Сам подумай: положим, все эти ухищрения принесут результат и какая-нибудь дама сделает предложение... Неужели потом тебе захочется всю жизнь притворяться быть тем, кем ты на самом деле не являешься?

– Ну, потом-то можно не притворяться, ведь мы поженимся, – возразил Кип.

Ансель наклонил голову так, словно смотрел на какой-то особенно редкий экземпляр.

– Считаешь, брак помешает жене уйти из семьи?

Приятель окончательно сник.

– Тогда я не понимаю. Если на самом деле дамам не нужны скромные, тихие мужья, которые занимаются домашним хозяйством и растят детей, то зачем нас с пеленок учат быть именно такими?

– Не знаю, – пожал плечами Ансель. – Но я определенно не собираюсь делать вид, будто у меня в голове не водится не единой умной мысли. И будь я проклят, если обвяжу себе шею этой цветной удавкой или втиснусь в этот жуткий фрак только лишь для того, чтобы понравиться какой-то даме.

Кип, заразившийся было боевым настроением приятеля, поначалу согласно кивал, но последняя фраза Ансея заставила его в ужасе выдохнуть:

– Ты что, хочешь сказать, что пойдешь на Ассамблею *прямо так*?

– Да, прямо так.

– Но ведь тебя могут просто не пустить внутрь в таком виде!

– И невелика потеря, – ухмыльнулся Ансель. – Я все равно на днях уезжаю. И позволь тебе напомнить: я изначально не горел желанием туда идти, это ты попросил меня составить тебе компанию. Кстати, что в этой Ассамблее такого особенного, что тебя так припекает?

Кип засуетился, вскочил с кровати, втянул живот и принялся поспешно застегивать пуговицу на поясе брюк.

– Видишь ли, – не поднимая глаз, пробормотал он, – это прогрессивная Ассамблея.

– Какая-какая?

– Ну, понимаешь... *прогрессивная*, – повторил Кип, залился краской и шепотом, словно проверяя страшный секрет, пояснил: – Там объявляют белый танец.

Ансель понимающе присвистнул. Белый танец, когда джентльмены сами приглашают дам, появился совсем недавно и был воспринят светским обществом в штыки. Шокирующее и неприличное новшество, непристойное и аморальное – вот лишь несколько эпитетов, которыми его заклеймили. И именно эти слова больше, чем что-либо еще, способствовали распространению и растущей популярности белого танца: ничто не привлекает так сильно, как то, что стремятся запретить.

– А я тебе там зачем?

– Боюсь, что в последний момент передумаю, – честно признался Кип, – и что у меня просто не хватит духу первым пригласить даму. Мне нужно, чтобы ты был рядом и не позволил мне струсить.

– Не понимаю, чего именно ты боишься?

– Как чего? Что, если я приглашу даму, а она мне откажет?

– Хмм... думаешь, ты получишь неисцелимую душевную рану и умрешь на месте? – насмешливо протянул Ансель.

– Ну, не умру, конечно... Но ведь это так страшно: приглашать, когда не знаешь, согласится дама или нет! – воскликнул Кип и замер, озаренный внезапной мыслью. – Интересно, а дамам тоже бывает страшно, что джентльмен может им отказать?

– Не думаю, – пожал плечами Ансель. – Это для нас первыми пригласить на танец – нечто из ряда вон выходящее, а они все-таки занимаются этим всю свою жизнь.

Кип подозрительно прищурился:

– Ты что, уже приглашал дам на белый танец?

– Да, – коротко ответил Ансель.

– И как? – с жадным любопытством подался к нему приятель. – Как это было? Страшно? Волнующе?

– Непривычно, – подумав, сказал Ансель. – Хотя, знаешь, – добавил он, – готов поклясться, что даме понравилось.

– Тогда вперед! – воодушевленно воскликнул Кип, бросил страдальческий взгляд на безнадежно помятые шейные платки на кровати и решительно направился к двери.

* * *

В зале Ассамблеи было нарядно, шумно, людно и, несмотря на открытые окна, душно.

Оркестр, спрятанный за кадками с поникшими пальмами, наярывал кадрили и мазурку. Высокая стойка бара в углу зала гордо демонстрировала запотевшие графины, хрустальные фужеры, накрахмаленные салфетки и целую батарею бутылок. Огромные газовые шандальеры под потолком и светильники с лампами накаливания на стенах заливали все вокруг теплым желтым светом. В центре зала, на натертом до глянца паркете, кружили под музыку пары. Вдоль стен понуро стояли те невезучие джентльмены, которых так и не пригласили на танец.

– Ух ты! – восторженно выдохнул Кип, оглядываясь так, словно это была первая Ассамблея в его жизни. – Надо было все-таки надеть шейный платок, – прошипел он, когда прошедшие мимо дамы не удостоили его даже самого мимолетного взгляда.

Ансель только покачал головой: переубедить приятеля не имело смысла, тот слишком крепко верил в великую силу хороших манер и правильно подобранного гардероба.

Последние звуки кадрили растворились в воздухе, пары в центре зала распались, разошлись в стороны, рассеялись в нарядной толпе. А через несколько мгновений раздались первые ноты менуэта.

Кип заметался, не в силах решить, где ему выгоднее встать и где будет больше шансов на то, что дамы его заметят и пригласят на танец.

Одна за другой в центр зала выходили пары, вливались в музыку. И чем дольше играл менуэт, тем больше снижал Кип.

– Моему отцу было девятнадцать, когда у них с мамой родился я, – расстроено заметил он, когда стало очевидно, что приглашений на этот танец больше не последует. – Мне скоро исполнится семнадцать, а я даже ни разу не был на свидании. Точно тебе говорю: я так и останусь старым юношей!

– У нас с тобой до девятнадцати еще два с лишним года, а это уйма времени, – хлопнул Ансель его по плечу. – И потом, не все обзаводятся семьями так рано, как твой отец...

– Тебе легко говорить, – насупленно пробормотал Кип и замолчал: к ним направлялась дама в алом платье с широким поясом и массивной, усыпанной камнями пряжкой. Длинная сзади и укороченная спереди юбка открывала сапоги до колена и подошла бы куда больше молодой девушке, чем даме предпочтенного возраста.

– Не желаете потанцевать? – спросила она у Анселя и требовательно, не сомневаясь в ответе, протянула руку, до локтя затянутую в бархатную перчатку.

– Благодарю, но нет, – не раздумывая, ответил тот и сделал шаг назад. Знает он таких дам – все, что им надо, это молоденький юноша для развлечений на один вечер. – Протирал сегодня утром пыль на антресолях, упал со стремянки и подвернул лодыжку, – свободно соврал он, ничуть не беспокоясь о правдоподобности истории. – Но вот мой приятель был бы счастлив составить вам компанию, – добавил он и чуть подтолкнул Кипа вперед.

Раздосадованная отказом дама недобро прищурилась, покосилась на раскрасневшегося от волнения круглолицего Кипа и, поколебавшись, нехотя махнула юноше рукой, приглашая следовать за ней.

Ансель проводил взглядом своего взволнованного грядущим танцем приятеля, улыбнулся и решительно направился к бару.

Барменша, дородная дама лет сорока пяти в корсете, слишком туго затянутом поверх свободной блузы, неодобрительно посмотрела на него из-за стойки.

– Сока? – спросила она.

– Вообще-то я уже достиг совершеннолетия. – По-своему понял ее реплику Ансель, решив, что она сомневается, есть ли ему четырнадцать. Что было, по меньшей мере, странно: он выглядел даже немного старше своих шестнадцати с половиной лет.

– Сама вижу, что достиг. А ума не набрался, – резко бросила та. – Мужчинам в любом возрасте не рекомендуется пить спиртные напитки, у вас психика слабая. Итак, сока?

– Предпочитаю джин, – вызывающе заявил Ансель, хотя изначально вовсе и не собиравшись пить ничего крепкого, а всего лишь хотел заказать бокал прохладного лимонада – в зале Ассамблеи было душно. – И психика у меня устойчивая: на этой неделе я даже не покусал никого, спасибо за беспокойство.

– Три желлинга, – бросила барменша и с громким хлопком вытащила пробку из пузатой бутылки.

Ансель прищурился. Барменша специально назвала ему цену в женской валюте, зная, что мужчинам запрещено ею расплачиваться!

Прикинув, по какому курсу сейчас обменивают женскую валюту на мужскую, он выложил на стойку восемь мэннингов. Даже по самой грабительской ставке этого должно было хватить; Ансель не хотел доставлять барменше удовольствие заявить, что ему нужно доплатить.

Однако барменша отодвинула монеты в сторону, демонстративно вставила пробку обратно в горлышко бутылки, облокотилась на стойку и злорадно улыбнулась:

– Мэннинги не принимаем. Только желлинги.

Несколько мгновений Ансель смотрел на барменшу, а потом молча сгреб монеты со стойки и поднялся со стула. За густым слоем туши на ресницах и злорадством во взгляде барменши таились бесконечная усталость и глубокое разочарование; кто-то ее здорово обидел, и сейчас она срывает зло на всех подряд. А раз так, то не было смысла спорить.

Торжественныйменуэт сменился бодрой мазуркой. Ансель увидел, что хищная дама так и не отпустила Кипа и повела его на второй танец.

Внезапно позади раздался мелодичный голос:

– Налейте юноше джина, я угощаю.

Ансель обернулся. Совсем еще юная дама, можно сказать, девушка, вероятно, его ровесница, легко ему улыбнулась.

С некоторых пор все дамские знаки внимания оставляли юношу совершенно равнодушным, и Анселю казалось, что теперь так будет до конца его дней. Собственно, он и не хотел что-то чувствовать. Будь Ансель поэтом, наверняка сказал бы нечто высокопарное вроде «мое сердце мертво и выжжено дотла». Но поэтом он не был, и потому всего лишь не сомневался, что в его душе больше нет места для даже самой распрекрасной дамы. Ансель не волновался, пригласят его на танец или нет, – ему было попросту все равно. Единственная девушка, с которой он хотел бы танцевать все танцы на свете, девушка, с которой он мечтал создать семью, – эта девушка уже никогда не сделает ему предложение. Ни ему, ни кому-либо другому. А кроме нее, все остальные дамы не имели абсолютно никакого значения...

Однако от улыбки именно этой юной дамы в груди Анселя что-то дрогнуло. Была в ее взгляде какая-то бесшабашная, шальная решимость, хмельная радость с горчащей ноткой испуга и непонятный, отчаянный вызов, на которые против воли откликнулась его душа.

– Благодарю и не откажусь, – вежливо поклонился Ансель и, не дожидаясь приглашения, сел на стул рядом.

– Меня зовут Николь, – не мешкая, представилась девушка, делая глоток темно-красного напитка из своего бокала. Руку для формального поцелуя она ему не протянула.

– Ансель, – отсалютовал он в ответ подаренным джином, отметив, что барменша выбрала самую большую рюмку, унций на шесть, не меньше, и налила ее почти до краев. И сейчас злорадно за ним наблюдала.

Из какого-то непонятного упрямства Анселю захотелось доказать, что он запросто может столько выпить, – не у всех мужчин слабая психика, и не все превращаются в животных после крепкого алкоголя. Незаметно выдохнув, он решительно, несколькими большими глотками осушил всю рюмку.

Анселю потребовалось все его мужество, чтобы не раскашляться и не выплюнуть эту гадость. И он справился. Со стуком поставил рюмку на стойку и искоса глянул на юную даму. Невысокая и миниатюрная, серо-голубые, цвета предгрозового неба глаза, ямочки на щеках, темно-русые волосы, забранные в самый простой хвост, никаких сложных причесок. Симпатичная, но ничего особенного. Белая рубашка, узкий черный жилет с воротничком-стойкой, строгие, закрывающие лишь кисти рук черные перчатки и узкая пурпурная юбка до пола навели на мысль, что девушка оказалась на Ассамблее случайно; ее наряд больше подходил для университетской лекции, чем для танцев.

– Повторить? – кивнула Николь на опустевшую рюмку.

– Спасибо, не стоит, – отказался Ансель. Шесть унций – это и так ровно в шесть раз больше, чем он намеревался выпить.

– Как знаешь. А вот я повторю! – с долей то ли вызова, то ли отчаяния заявила девушка и жестом показала барменше наполнить свой бокал. После чего сделала неторопливый глоток и принялась рассматривать кружащие в вальсе пары. Молчанием она явно не тяготилась.

Ансель решил, что раз Николь не заговаривает с ним первой, то и он тоже не будет инициировать беседу. И не потому, что этикет настойчиво рекомендовал юношам отдавать инициативу знакомства дамам. Просто любой разговор обычно приводит к тому, что люди лучше узнают друг друга. А он Николь узнавать не хотел.

Впрочем, как и любых других дам.

Мазурка закончилась, мужчины галантно поклонились, дамы вежливо кивнули в ответ. Ансель нашел среди распадающихся пар своего приятеля. Мучительно пунцовый, тот пытался деликатно вытянуть руку из-под локтя своей спутницы, но та и не думала его отпускать; наоборот, кружила по залу и демонстрировала Кипа своим многочисленным приятельницам со старательно покрашенной сединой в волосах.

Ансель уже хотел спрыгнуть с высокого стула, чтобы поспешить на помощь другу, но потом передумал. Кип был замечательным парнем – добрым, умным и честным. Но, увы, заурядная внешность породила в нем колоссальную неуверенность в себе и массу глупых комплексов. Кипу надо было учиться стоять за себя. Так что он даст приятелю еще четверть часа, и если до той поры Кип не сможет самостоятельно освободиться – вот тогда Ансель вмешается.

Весело смеясь, к стойке бара подбежала запыхавшаяся после танцев рыжеволосая зеленоглазая девушка; чуть горбатый нос делал ее немного похожей на ведьмочку, но не злую, какой пугают детей, а веселую и хулиганистую. За ней, смущенно улыбаясь, следовал худой, нескладный юноша в круглых очках. Девушка чмокнула Николь в щеку как свою старую знакомую и многозначительно стрельнула глазами в сторону Анселя.

– За что пьем? – громко спросила она.

На этой девушке была узкая темно-синяя юбка до пола, белая рубашка и скромный черный жилет. Схожесть строгих нарядов подруг только укрепила Анселя в мысли, что юные дамы не планировали посещать Ассамблею и заглянули сюда случайно.

– За свободу, – чуть подумав, громко сказала Николь, поднимая бокал.

– Да, за это можно и нужно выпить, – согласилась ее подруга, выхватила из-под носа у барменши приготовленный для кого-то другого бокал и торжественно провозгласила: – Ну, с выпуском! Чтоб глаза наши больше не видели этой гимназии!

Ансель усмехнулся. Значит, он не ошибся, и девушки, даже не переодевшись, пришли на Ассамблею прямо с церемонии вручения дипломов.

Тем временем зал затянуло, будто легким туманом, нежными звуками вальса.

– Белый танец! – торжественно объявила распорядительница.

Рыженькая ведьмочка выжидающе повернулась к своему спутнику, и тот, порозовев, неловко и неуверенно предложил ей свою руку.

– Ника, не забудь, о чем мы с тобой договаривались! – бросила напоследок рыженькая подруге.

«Ника... Это имя ей очень идет», – невольно отметил про себя Ансель.

– Агата! – укоризненно и предостерегающе воскликнула Ника.

Ее подруга засмеялась в ответ:

– Молчу, молчу!

И, весело кружась, убежала в центр зала, который постепенно заполнялся первыми парами.

Ансель нашел глазами Кипа; тот, освободившись наконец от назойливой компании престарелой дамы, уже всю махал руками приятелю, отчаянно ожидая поддержки. Но Ансель на призывы подойти лишь одобрительно кивнул и сделал утверждающий жест рукой – иди и действуй!

Мучительно покраснев, Кип приблизился к одной из нарядных молодых дам и, донельзя смущаясь, что-то тихо ей сказал.

«Только бы не отказала, только бы не отказала!» – Ансель поймал себя на мысли, что волновался за приятеля так, как, пожалуй, никогда не переживал за себя. Ему очень хотелось, чтобы Кип набрался хотя бы немного уверенности в себе. И успешное приглашение дамы на белый танец было одним из важных шагов на этом пути.

Дама вежливо улыбнулась, чуть наклонила голову – и протянула Кипу руку.

Ансель с облегчением выдохнул и, пряча улыбку, откинулся на спинку высокого стула.

Он уже почти позабыл об угостившей его выпивкой юной даме, но сейчас, увидев, как та медленно потягивает свой напиток из бокала и покачивает ногой в такт музыке, понял, что она тоже была бы не прочь покружиться в вальсе.

– Потанцуем? – легко предложил он ей и в следующий миг сам удивился спонтанности своего решения.

– Потанцуем, – так же легко согласилась Ника.

Летучий вальс захватил, закружил их среди плавно скользящих пар. Ника вела умело и уверенно и не сводила с Ансея глаз. Она смотрела так внимательно, словно хотела непременно разглядеть в его лице что-то очень важное и нужное...

Газовые шандальеры и дыхание сотен гостей согревали и без того спертый воздух, светильники с лампами накаливания неровно мерцали на стенах, отбрасывая загадочные тени, звуки вальса становились все громче и громче, и вот уже шесть унций джина запоздало ударили Анселя в голову, затуманили взгляд, заставили мир качаться на особенно резких поворотах танца...

Ансель едва ли заметил, как очередной вальсовый круг вывел их с Никой к двойным дверям на веранду, а затем – в дальний, темный ее угол. Спина уперлась в шершавую стену, блаженно прохладный воздух остужал пылающее лицо, а горящий хмельной решимостью взгляд Ники оказался прямо напротив, так близко, что Ансель невольно прикрыл глаза. Юноша почувствовал, как ладони девушки скользнули в волосы на его затылке и потянули голову вниз...

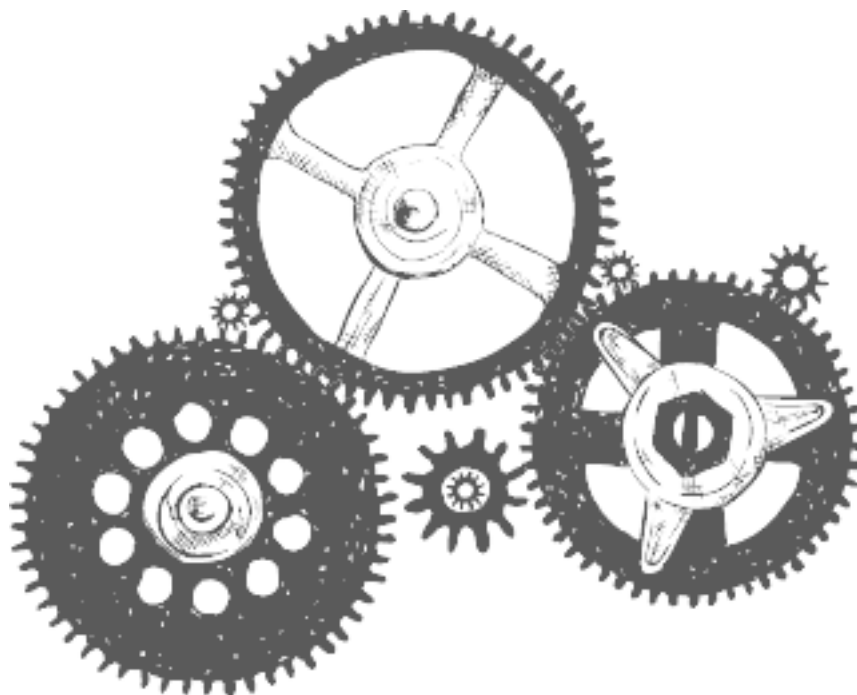
Ника поцеловала его – решительно и неумело.

Ансель на миг протрезвел, осознав, что эта незнакомка украла у него последний поцелуй, который он навсегда отдал совсем другой девушке.

Но джин шумел в голове, а мир вокруг кружился, и Ансель сдался, уступил, позволил этой качающейся ночи и этому поцелую затянуть себя с головой...

Глава 1

Так странно – прожить всю жизнь, ежедневно видя на далеком горизонте силуэт столицы, ее высокие башни, дымящие трубы и взмывающие в небо крылатые авионы – и ни разу в ней не побывать. До сегодняшнего дня.

Сирион оказался именно таким, каким представляла его себе Ника, и даже больше. Улицы города пахли спешкой, горячей выпечкой, надеждами, заводским дымом и конским навозом. По бульжной мостовой ехали трамваи, паробусы и самоходные мобили самых разных размеров; рядом, ничуть не смущаясь такого соседства, катили конки, коляски и дилижансы. А люди! Казалось, лишь на одной улице столицы людей было больше, чем во всем тихом городке, где выросла Ника.

Ну и, конечно, монкулы. В отличие от родной Кибири, в столице монкулы были повсюду. Безволосые головы, застывшие, словно гипсовые маски, лица без бровей, немигающие глаза без ресниц и пустые взгляды... В одноцветных рабочих робах, они подметали улицы, разгружали телеги, мостили дороги, прочищали канализационные стоки – словом, занимались самой грязной и самой тяжелой работой. Неподалеку стояли надсмотрщики со свистками, с помощью которых они отдавали команды своим бессловесным работникам.

Ника поежилась. Она не любила монкулов, было в них что-то, что невольно заставляло ее напрягаться, ускорять шаг и отводить взгляд. Возможно, осознание того, что когда-то они были людьми. И мысль о том, что они заслужили свою участь – ведь в таких безвольных и бессловесных существ превращали только осужденных преступников, – не помогала.

Утро в столице буквально бурлило жизнью; дамы в строгих нарядах торопились по делам, на ходу покупая газеты у бойких девчонок-разносчиц, звонко выкрикивавших: «Спешите читать! Свежие военные сводки с мыса Горн!», звенели ключами, открывая двери своих адвокатских контор, врачебных кабинетов, магазинов и мастерских.

Разодетые джентльмены являли яркий контраст с торопящимися по делам дамами: они не спеша прогуливались от магазина к магазину, несли пакеты с покупками, везли перед собой

коляски или вели уже подросших детей на прогулку в парк, собирались небольшими группами у столиков кофеен, заказывали мороженое и обменивались последними сплетнями.

Словом, столица была переполнена жизнью и людьми, и это Нике нравилось... Хотя и немного пугало с непривычки. А вот Агата, с которой они вместе поехали в Сирион, пожалуй, будет чувствовать себя здесь как рыба в воде.

Девушка огляделась. Водительница паробуса, узнав, куда и зачем Ника едет, подробно ей все описала и, вопреки правилам, высадила не на конечной станции, а недалеко от входа в нужное место. Помахав рукой Агате, оставшейся в паробусе, – подруга поехала дальше, до конечной, – Ника на миг ощутила острый укол одиночества. Но тут же взяла себя в руки. Глупости, уже сегодняшним вечером она с ней увидится, ведь они сняли одни апартаменты на двоих. Агата станет работать криминальным репортером, как и мечтала, а Ника... Ника будет летать.

Оглядевшись, девушка тут же увидела старинное здание почтамта, а перед ним маленький сквер с тихим фонтаном в центре. Напротив – стеклянные витрины новомодного трехэтажного магазина, манящие дорогами нарядами; должно быть, тот самый знаменитый «Лакс на Седьмой авеню».

Ника подхватила саквояж и решительно зашагала к «Лакс-су»; если она ничего не напутала, то позади фешенебельного магазина, на другой стороне улицы, она увидит большое двухэтажное белое здание в форме подковы, с классической колоннадой по всему периметру, высоким арочным сводом над главным входом, к которому ведет широкая мраморная лестница, и с постаментом в центре образованной «подковой» площади, на котором красуется старинный самолет. Эта подкова была сердцем столицы... да что там столицы – это было сердце всей Арамантиды, источник ее силы и величия: Министерство полетов.

Ника никогда не видела это здание воочию, но знала о министерстве все, что только можно было узнать, живя на самой окраине столичного округа и имея в своем распоряжении лишь местные газеты и рассылающийся по подписке раз в квартал журнал «Вестник авионов». В последнем выпуске прошлого года журнал опубликовал фотограмму здания министерства, и Ника долго изучала ее, мечтая, как однажды окажется посреди этой площади, поднимется по широким ступеням и войдет внутрь, чтобы занять там свое место.

И вот сейчас она стояла перед тем самым зданием, которое так часто представляла, и ее голова шла кругом: реальность во сто крат превосходила все воображаемые картины. Колоннада оказалась намного торжественнее, арочные своды над входом намного выше, а люди, спокойно заходящие внутрь министерства, казались совершенно особенными. И даже знакомый с детства девиз Министерства полетов: «Покорившие небо правят миром», который красовался над широким входом, сейчас вселял невольный трепет.

Обычно бесстрашная, Ника немного оробела. Но затем, увидев торопливо спускающуюся по лестнице даму в голубой форме авионеры, проводила ее жадным взглядом и решительно шагнула на первую ступень. Ее самая заветная мечта, ее главная цель в жизни была совсем рядом, надо было лишь пойти и взять ее.

* * *

– Тебя нет в списках, милочка, – сообщила Нике престарелая дама в седых кудряшках и толстых очках, сидевшая под табличкой «Справочная» на входе в здание министерства. Позади ее стола замерли двое неподвижных, словно статуи, безволосых монкулов-охранников с широкими плечами и пустыми взглядами.

– Как нет в списках? – ахнула Ника, поставила саквояж на пол, открыла и, порывшись, выудила из глубины почтовую квитанцию об отправке письма. – Вот, – сказала она, ткнув пальцем на дату в углу, – я отправила заявку больше месяца назад!

– Дорогая моя, то, что ты подала заявку, еще не означает, что тебя автоматически допустят до Церемонии камней! – всплеснула руками дама. – Все кандидаты проходят проверку.

– Какую проверку? – непонимающе нахмурилась Ника.

– Министерство собирает информацию на кандидатов и на их семьи, и если там что-то не так, то до Церемонии не допускают. Раз тебя нет в списках, значит, ты не прошла проверку. – Дама развела руками. – Вообще-то списки были опубликованы во всех крупных газетах еще неделю назад, – добавила она. – И в «Утреннем телеграфе», и в «Сирион пост», и в «Вечерних хрониках». Как же ты их все пропустила?

– Легко, – пробормотала Ника. – Я ведь не в столице живу...

Руки, сжимавшие квитанцию так, словно это был ее щит, ее пропуск в заветную жизнь, бессильно опустились. Как это – не прошла проверку? Ника отказывалась поверить в случившееся, в то, что она упустила свой шанс.

– Где же ты живешь? – Даме в седых кудрях было сложно поверить, что в Арамантиде есть места, где не получают «Телеграф» и «Пост» с «Хрониками». Она спустила очки на кончик носа и теперь рассматривала Нику как какую-то диковинку.

– В Кибири, – автоматически ответила Ника. И, увидев, что это название даме ровным счетом ничего не говорит, добавила: – Это небольшой город в дальневосточном секторе столичного округа.

Нахождение в границах столичного округа ничуть не повысило мнение седой дамы о доселе неизвестном ей поселении под названием Кибирь; в ее глазах появились сожаление и сочувствие, а взгляд внимательно пробежался по Нике и отметил устаревший покрой пальто и потертый саквояж. Дама понимающе кивнула: неудивительно, что девушка из такой глуши выглядит именно так.

Это сочувствие не на шутку задело Нику. Да, Кибирь располагалась на самой границе с провинцией Бруньер. Но все-таки городок формально находился в зоне столичного округа. И Кибирь была симпатичным маленьким поселением, тихим, мирным и вполне цивилизованным, в нем имелся собственный госпиталь, библиотека, Ассамблея, мэрия, суд и тюрьма, станция паробусов дальнего следования и даже вокзал, через который два раза в неделю проходили поезда. Словом, там было все, что необходимо для жизни.

Правда, от этого «все, что необходимо для жизни» порой хотелось выть на луну от тоски... У заключенного в камере тоже есть все, что нужно для жизни, но делает ли это его счастливым?

Друзья детства, соседи, приятели и знакомые – все они были вполне довольны тихой, мирной жизнью на окраине столичного округа, в городке, где почти никогда ничего не происходило. Но не Ника. Ей было этого мало. Если бы ее все устраивало, она бы не поехала в столицу. И не взяла бы билет в один конец; ведь купить обратный билет – это все равно что признать поражение еще до того, как начался бой. Ника же намеревалась остаться в Сирионе.

Сколько себя помнила, она всегда грезил полетами. Ей было семь, когда она впервые побывала на ярмарке парапланов. Девочка была настолько восхищена увиденным, что решила тоже полетать и, использовав для своего первого полета папин кружевной зонтик, спрыгнула с крыши сарая. Ника приземлилась на колкий гравий, сильно ушиблась и не на шутку перепугала отца. Но любви к полетам от жесткого приземления у нее не убавилось.

Позже, уже будучи гимназисткой, Ника впервые увидела вблизи настоящий авион, и это была любовь с первого взгляда. Крылатая машина приземлилась прямо на главной площади – легкая, изящная, стремительная – и вызвала изрядный переполох в городке.

А потом из кабины выскочила стройная дама в голубой, цвета летнего неба, форме, затянутой на талии широким ремнем, и с поднятыми на лоб очками-гогглами. На шее у нее развевался белый шарф, из-под летного шлема выбилось несколько длинных прядей волос. Весь

облик авионеры дышал скоростью и мощью, ветром и свободой. Она казалась пришельцей из совершенно другого, чужого, далекого и невероятно манящего мира...

Образ авионеры покорила сердце Ники в мгновение ока и на всю жизнь; она отчаянно захотела туда, в высоту, в небо, к ветру и свободе, и поняла, что не будет счастлива, если не сможет летать.

С той поры Ника заболела авионавтикой. Она зачитывалась журналом «Вестник авиона», терзала учителей физики вопросами о воздушных потоках и принципах работы летных машин и мечтала о том дне, когда сама станет авионерой.

И вот Ника стоит на пороге своей мечты, а ей говорят, что увы и ах, но она не допущена, спасибо, до свидания...

Что же случилось такого, что она не прошла проверку? Быстро прокрутив в голове все свои детские шалости, за которые она получала нагоняй от учителей и соседей, Ника уверилась в том, что ни один из ее проступков не мог иметь таких серьезных последствий. Мама ушла от них много лет назад, так что дело было явно не в ней... Получается, всему виной был ее отец? Неужели ей отказали из-за того, что много лет подряд он пытался добиться разрешения работать врачом? Да, скорее всего, дело именно в этом, других причин и быть не могло. В Арамантиде джентльмены должны были знать свое место, и тех, кто пытался нарушить заведенное положение вещей, не жаловали...

– Милочка, к сожалению, я ничем не могу тебе помочь, – развела руками дама из справочной. – Мне очень жаль.

Ника стиснула зубы. Ее мечта рухнула. И что теперь? Неужели придется возвращаться в Кибирь?

Отец будет рад. Нет, он не отговаривал ее от поездки, он говорил: «Поступай так, как считаешь нужным» и «У тебя все получится». Но Ника видела страх и тоску в его глазах – от предстоящего расставания, как думала она. И это понятно – ведь он вырастил ее в одиночку, они всегда были вместе и только вдвоем, папа и дочка. Но однажды, в один из долгих вечеров незадолго до ее отъезда, отец грустно вздохнул и обмолвился:

– И тебя авионы у меня забирают...

И Ника поняла, что дело не только в грядущей разлуке. Из короткого «и тебя» было ясно, что речь шла о ее матери.

Отец никогда про нее не рассказывал. А Ника совсем ее не помнила – ни смутного образа, ни даже ощущения материнской любви и тепла; мать ушла от них с отцом, когда Нике не исполнилось и двух лет. Печальная, но совсем не редкая история – дамы довольно часто бросали семьи, где им становилось скучно в будничной рутине домашних дел, в замкнутом мирке мужа-домохозяина, где главными событиями дня были выпавший зуб ребенка или покупка новых штор на окна. Дам манила карьера, свобода – и приключения с молодыми, еще не обзаведшимися семьями джентльменами.

Из короткого «и тебя» выходило, что мать бросила отца не из-за другого джентльмена, – значит, она тоже захотела стать авионерой. Интересно, получилось ли у нее? Наверное, получилось, ведь иначе она бы наверняка вернулась обратно домой...

Когда Ника была маленькой, то часто просила отца рассказать про маму, но он лишь грустно улыбался и никогда ничего не говорил. Когда Ника стала старше, она поняла, что рецепт «время лечит» работает не для всех и что даже по прошествии стольких лет отцу по-прежнему больно. И перестала спрашивать о матери.

В тот вечер отец обронил всего одну короткую фразу, но именно с той поры Нику стало мучить чувство вины. Сначала папу ради авионов бросила жена, а теперь по ее стопам идет и его неблагодарная дочь!

Накануне отъезда, когда они с Агатой получили дипломы гимназии и заглянули на Ассамблею отметить это дело, Ника со страхом поняла, что завтра утром, когда ей нужно

будет брать чемодан и отправляться на паробусную станцию, у нее просто не хватит душевных сил на расставание! Она обнимет отца, скажет ему «До свидания», пообещает каждую неделю писать... и не сможет оставить его одного, понуро стоящего в дверях дома и грустно глядящего ей вслед. Просто не сможет!

Но... Мечты об авионах уже были частью ее жизни. Очень важной, незаменимой частью. Как бы ни было ей жалко уезжать от отца, но она не хочет, она просто не сможет всю жизнь прожить в Кибири! Без авионов, без неба...

Зато когда Ника станет авионерой – знаменитой авионерой вроде легендарной Кейвы рей Линн, – тогда она обязательно перевезет папу в столицу, и они снова будут вместе. Отец сможет заслуженно гордиться своей дочерью, а она купит ему симпатичный домик и будет заглядывать в гости вечерами после работы, и они будут сидеть вдвоем на уютной кухоньке, смотреть на горящие в камине поленья, пить чай с печеньем и говорить обо всем на свете. И все снова будет как прежде... Обязательно будет!

Но для достижения этой мечты Ника должна была начать свой путь авионеры прямо сейчас, а не ждать целый год до следующего набора в летную школу. Если сейчас она вернется в Кибирь, то жизнь немедленно пойдет по уже подготовленному для нее и тысяч других юных дам сценарию: она найдет приличную по местным меркам работу, обзаведется собственным жильем, станет встречаться по вечерам с подругами в пабе, ходить по субботам на Ассамблею и раз в неделю навещать отца, который будет очень, просто очень рад, что она осталась... Эти невинные, казалось бы, вещи за год прикуют ее к Кибири крепче цепей; пройдет какое-то время, и такая жизнь начнет казаться ей вполне нормальной. Да, не той, о которой она мечтала, но все равно неплохой; в ней Нике будет вполне *удобно*, и ей уже не захочется менять этот комфорт на неизвестность и трудности, которые непременно сопровождают любой поход за мечтой...

А авионы так и будут парить в небе, и она будет смотреть на них с земли и вспоминать о том, что когда-то мечтала поднимать эти крылатые машины в воздух. Но сама она уже никогда на них не взлетит. И все из-за того, что не прошла какую-то там проверку!

Поняв, что злится на папу, Ника вздохнула. Конечно же он не виноват. Когда отец пытался стать врачом, он и подумать не мог, что через много лет его дочка решит стать авионерой и что этим своим поступком он поставит крест на ее мечте...

Хотя все это странно, конечно; какое отношение имеет прошлое твоих родителей к тому, какой ты станешь авионерой?

Дама за справочной стойкой уже отвечала на вопрос нового посетителя, и Нике ничего не оставалось, как подхватить с пола свой саквояж и вернуться к выходу, к высоким арочным дверям, через которые она проходила с таким радостным предвкушением всего несколько минут назад.

В дверях Нику едва не сбили с ног две девушки, на вид – ее ровесницы. Очень нарядные и очень красивые, одна – блондинка, другая – шатенка, они затормозили перед пожилой дамой за справочной стойкой, и блондинка выпалила, с трудом переводя дух:

– Где тут у вас Зал аэролитов?

Дама укоризненно покачала головой:

– Опаздываете на Церемонию? На самый важный момент вашей жизни?

– Уважаемая, – процедила белокурая девушка, хотя в ее тоне не было и намека на уважение, – вас здесь посадили отвечать на вопросы посетителей, а не морали читать. Или указать правильное направление для вас слишком сложная работа?

Глаза пожилой дамы обиженно сверкнули за толстыми стеклами очков, и она намеренно неторопливо зашелестела бумагами на столе.

– Вы есть в списках? – не глядя на девушку, спросила она.

– Конечно! – нетерпеливо постукивая по полу носком лакированного ботинка, ответила та. – Иначе зачем бы мы туда шли?

– По правилам на Церемонию положено пропускать только тех, кто есть в списках. Сейчас проверим... Ваше имя?

– Ванесса рей Торн, – гордо ответила белокурая девушка, делая ударение на своей фамилии, и кивнула на подругу: – А это Вильма эр Дана. Да поторопитесь же! – почти сорвалась на крик она, когда седая дама поправила очки и принялась внимательно изучать списки.

Ее призыв не подействовал. Наоборот, дама еще медленнее начала водить пальцем по каждому из имен в списке, наслаждаясь своей невинной, но такой приятной маленькой мстью.

Казалось, прошла вечность, прежде чем она кивнула:

– Да, вы действительно есть в списках.

– Конечно есть, старая ты ворона, – пробурчала белокурая Ванесса. – Так где находится Зал аэролитов?

– Западное крыло, синий коридор до конца, последний поворот налево, – отозвалась седовласая дама и обиженно отвернулась.

Ванесса и ее подруга сорвались с места; острые каблуки рассыпали звонкую дробь по мраморному полу.

Ника не размышляла ни секунды. Если у нее и был призрачный шанс, то хватать его надо прямо сейчас, пока расстроенная дама за справочной стойкой не обращает на происходящее вокруг никакого внимания...

Не колеблясь и не мешкая, Ника бросилась вслед за Ванессой и ее подругой. Правдами или неправдами, но она попадет на Церемонию, и плевать ей на все проверки!

А дальнейшую ее судьбу пусть решат камни...

* * *

Вход в Конструкторскую располагался на обратной стороне здания Министерства полетов, и если фасад последнего просто блистал своей торжественностью и красотой, то черный вход был неприметен и невзрачен. Парадный вход – для авионеров, вход с заднего двора – для механиков; и сразу становилась понятна иерархия и место каждого работника внутри министерства.

Перед самым входом Ансель на миг остановился, сделал глубокий вдох и уже привычно напустил на себя невозмутимый вид. Прошел уже месяц, а к его присутствию так до конца и не привыкли. Механикеры и ученицы провожали его насмешливыми взглядами – и хорошо, если только ими; Анселю нередко доводилось слышать обидные комментарии и насмешки. А некоторые дамы, возмущенные появлением в их коллективе мужчины, нового ученика просто игнорировали. Впрочем, Ансель предпочитал бойкот навязчивому вниманию; пусть уж лучше демонстративно его не замечают, чем постоянно поддевают дурацкой поговоркой: мол, мужчина разбирается в авионах так же, как свинья в сортах апельсинов.

Когда Ансель решил штурмовать авиомеханистику, эту исконно женскую сферу деятельности, он прекрасно понимал, что его ждет. Понимал и думал, что готов, но в действительности оказалось, что он ошибался. Ансель знал: ему, мужчине, придется постоянно доказывать, что он может справиться с работой не хуже женщин и что для этого ему придется работать вдвое тяжелее и быть на голову лучше остальных. Но он не был готов к злословию, насмешкам и уж тем более к откровенному презрению...

Сохраняя на лице бесстрастное выражение, Ансель прошел через всю Конструкторскую в самый дальний угол, где ему выделили рабочее место. В помещении пустовало не менее дюжины хорошо оборудованных столов, но ни один из них ему не достался – его отправили за стеллажи со свертками чертежей, старыми моделями авионов и различными деталями лета-

тельных аппаратов. Свет ламп сюда не добирался, и Анселю пришлось купить керосинку; стула ему тоже не дали, поэтому юноша тайком вынес из мебелированной комнаты, которую он снимал, табурет. И тем не менее Ансель не собирался позволять этим мелочам заставить его отказаться от места в Конструкторской.

И вообще не в его привычках было жаловаться. Главное – он получил место ученика-механика! А ведь месяц назад в какой-то момент он решил, что ничего не выйдет и все те полтора года, которые он потратил, интенсивно изучая авиомеханику по учебникам, окажутся напрасной тратой времени.

– Не поняла, – невысокая, но очень крепкая, широкоплечая дама в рабочем костюме с широким поясом, за который были заткнуты линейки, карандаши и всякие мелкие инструменты, подняла рабочие очки-гоглы на лоб и посмотрела на юношу с неподдельным изумлением. – *Кем-кем* ты хочешь стать?

– Авиомеханикером, – твердо ответил Ансель, машинально отмечая значок инженера у нее на рукаве. Получается, эта дама в Конструкторской – главная.

– Бред, – медленно покачала головой дама, и увеличительные линзы на ее рабочих гогглах согласно сверкнули. – Мальчик, выход там.

– Но может быть, вы хотя бы посмотрите, на что я способен?

Ансель приехал в Сирион с дальней окраины столичного округа не для того, чтобы вот так просто отступить.

– Нет, не посмотрю, – вновь покачала головой дама, на глазах теряя интерес к беседе.

– Но почему? – от разочарования у Ансея дрогнул голос.

– Потому что не мужское это дело.

– Не мужское дело – быть авионером! Но туда я и не лезу. А что мешает мне стать механикером? Ведь здесь ничего не зависит от инициаций летными камнями, и все решают способности человека к механистике.

– Послушай, мальчик... – Видя, что молодой человек возмущен и расстроен ее отказом, дама решила поскорее закончить этот щекотливый разговор. – Как ты сам только что сказал, все решают твои способности. А всем известно, что у мужчин попросту нет никакой предрасположенности к авиомеханистике.

– Но откуда вы это знаете? – не собирался отступать Ансель. Да и некуда ему было отступать. – Мужчинам ведь даже не давали возможности попро...

– Авионавтика – это основа мощи и величия нашей Империи, – резко перебила его инженер. – И мы не имеем права ее ослаблять, допуская в нее тех, кому стало скучно сидеть дома, кто не отличит биплан от парасоли и...

– Их нельзя сравнивать, – не менее резко перебил инженера расстроенный Ансель. – Биплан – это авион с двумя крыльями, а парасоль – это разновидность моноплана с крылом, расположенным над фюзеляжем.

Инженер наклонила голову, и на Ансея уставились прищуренные светло-карие глаза и круглые линзы гогглов.

Юноша не знал, каких богов благодарить за то, что произошло дальше, но после длинной, очень длинной паузы дама внезапно сказала:

– Меня зовут Тильда рей Брик, я главный инженер имперской Конструкторской. Ты принят. Испытательный срок – полгода. Не будешь справляться – пойдешь вон.

И, к еще большей неожиданности Ансея, протянула ему руку.

– Справлюсь, – заверил Ансель с уверенностью, которой не испытывал, и, почувствовав, что принятый в обществе поцелуй будет тут неуместен, пожал руку дамы в ответ – жесткую, как дерево, и такую же неподатливую.

Одно юноша знал твердо: если он хочет достигнуть своей цели, ему нужно не просто показать себя хорошим авиомеханикером, но стать одним из лучших. И для этого нужно работать вдвое, а может, даже и втрое больше, чем остальные.

Впрочем, помощи в этом деле ждать не приходилось. Ан-селя не выгнали, но и обучать не спешили, предоставили юношу самому себе. В его распоряжении были время, книги по авиомеханике, чертежи на стенах, образцы на стеллажах и общие лекции, которые читали всем ученикам Конструкторской.

Вчера Ансель получил первую стипендию. Вроде бы приятное по всем параметрам событие, но даже оно не обошлось без сложностей. Ансель видел, что дама-счетоводница ухмылялась, отдавая ему конверт, однако не придавал этому особого значения – сколько он уже перевидал таких гримас! Но совершенно неожиданно вмешалась мадам рей Брик. Она бесцеремонно забрала у него конверт, быстро заглянула внутрь и выразительно кашлянула, глядя на счетоводницу. Та обернулась и тут же невинно округлила глаза.

– Деньги на Конструкторскую перечисляются только в желтингах!

Ансель глянул в приоткрытый конверт и понял, что счастливо избежал большой беды; ему выдали стипендию в женской валюте. Он не только не сумел бы ее потратить, он запросто мог загреметь в тюрьму, ведь мужчинам запрещалось даже иметь при себе желтинги.

– Неужели? – холодно ответила мадам рей Брик ухмыляющейся даме.

Ее невысокий рост с лихвой компенсировался массивной комплекцией, солидной должностью главного инженера имперской Конструкторской, интонациями, способными заставить покраснеть дерево, и самое главное – незыблемой уверенностью в своей правоте.

У счетоводницы не было и шанса. Она смутилась, забрала конверт и пробормотала, чтобы Ансель зашел попозже. Он вернулся в самом конце рабочего дня и получил новый конверт, в котором были уже мэннинги. Ансель пересчитал их только дома и понял, что обмен счетоводница произвела по самому невыгодному курсу. Но жаловаться, разумеется, не стал. Даже мадам рей Брик. Он подозревал, что та могла бы снова поставить зарвавшуюся счетоводницу на место, но... Хочешь преуспеть – умей решать свои проблемы сам. А если не получается решать – умей терпеть.

И Ансель терпел. И с утроенной силой занимался – не только потому, что авиомеханика его по-настоящему увлекала, но еще и потому, что хотел заполнить работой все свободное время, ведь во время работы его не преследовали воспоминания о Мие.

Сквозь стеллажи, за которыми прятался его рабочий стол, пробивался свет.

«Неужели забыл вчера погасить керосинку?» – не на шутку испугался Ансель.

Керосинка и впрямь горела, но зажгла ее поджидавшая его мадам рей Брик. Она скрестила руки на широкой груди, в линзах поднятых на лоб гогглов зловеще отражался свет лампы, а выражение лица инженера было невозможно прочесть.

– Твоя работа? – спросила она, ткнув в лежащий на столе бракованный руль высоты, который Ансель выудил из кучи хлама два дня назад; с недавних пор для практики он начал разбирать и снова собирать неисправные детали авионов, что пылились на полках и по углам, и ему очень понравилось выявлять и чинить в них неполадки.

– Моя, – и не подумал отпираться он.

– Ты нашел причину неисправности, – задумчиво протянула мадам рей Брик. – И починил.

Ансель молча пожал плечами и засунул руки в карманы. Инженер не ждала от него ответа, она не спрашивала, а констатировала факт.

Несколько мгновений мадам рей Брик внимательно изучала юношу, а затем распорядилась:

– Забирай свое барахло, и идем.

Ансель проглотил вопрос «куда», который так и рвался с языка. Если хочешь преуспеть, нельзя показывать слабость, особенно тем, от кого зависит твоё будущее.

Собирать Анселю было особо нечего, и потому уже через минуту он шагнул за чуть переваливающейся из стороны в сторону мадам рей Брик, держа в руках коробку с парой линейек, карандашами, ножами для заточки и заметками, которые он делал, читая книги и изучая чертежи. Он не смотрел по сторонам, но практически чувствовал ликующие взгляды остальных обитателей Конструкторской.

«Наконец-то! – наверняка выражали они. – Давно пора его выкинуть!»

Мадам рей Брик остановилась рядом с пустым столом почти в самом центре рабочего зала. Отсюда были хорошо видны грифельные доски на стенах и проекторный экран, на который во время лекций выводили теневые чертежи и схемы.

– Теперь ты работаешь здесь, – только и сказала она и зашагала прочь, оставив ошеломленного Анселя осмысливать услышанное.

А ему было что осмыслить: за то небольшое время, которое потребовалось, чтобы перебрать половину Конструкторской, он уже успел попрощаться с будущим механикером и перебрать с дюжину вариантов того, что же он сделал не так, раз его увольняют, включая совершенно невероятную версию того, что мадам рей Брик стала известна *настоящая* причина его появления в Конструкторской.

– Привет, – вывел его из ступора чей-то голос.

Ансель вздрогнул, крепче перехватил едва не вывалившуюся из рук коробку и обернулся. На него смотрела молодая дама с короткими светлыми кудряшками чуть выше плеч, задорно вздернутым носом и родинкой над губой. В уголке рта красовалась грифельная клякса – вероятно, механикер грызла карандаш. Враждебности во взгляде не было, только неподдельное любопытство.

– Доброе утро, – настороженно ответил Ансель и поставил коробку на стол. Свой стол.

– Я – Санна.

– Ансель.

– Я знаю, – улыбнулась дама. – Впрочем, тебя все здесь знают, – бесхитростно добавила она.

Ансель криво усмехнулся – такая популярность его не радовала – и принялся раскладывать свой скромный скарб на новом рабочем месте.

– Почему ты решил стать механикером? – не стала ходить вокруг да около Санна.

– Я всегда восхищался авионами, а механикер – это так близко к авионам, как это только для меня возможно, – ответил Ансель.

Он не собирался врать. Но и всей правды рассказывать не собирался. Что это Мия восхищалась авионами и собиралась стать авионерой. А он, чтобы быть рядом с ней, заставил себя заниматься авиомеханистикой... и полюбил ее.

Только вот Мии больше рядом не было...

– Мечтал летать, да? – сочувственно спросила Санна.

Ансель едва заметно вздрогнул. Это Мия мечтала летать. А он – нет. Глупо мечтать о том, что в принципе невозможно; каждый мальчик Арамантиды знал, что мужчины не могут стать авионерами: аэролиты, летные камни, поднимавшие в воздух авионы, не признавали мужчин. Только женщин.

Впрочем, и их далеко не всех.

– Нет, – покачал головой Ансель. – А ты?

– А я мечтала, – вздохнула Санна. В ее голосе звучала горечь, правда, уже выцветшая от времени, отболевшая, которую ощущаешь, словно старую затянувшуюся рану. – Но на Церемонии камней мне не повезло. А после этого два пути: или искать совсем другую профессию,

или – в механикеры. Я выбрала второе. Если уж не летать на авионах, так хотя бы работать с ними на земле.

– Вот и я примерно так рассуждал, – сказал Ансель, немного расслабляясь; Санна, кажется, вовсе не собиралась говорить, что ему тут не место. – За исключением того, что у меня не было даже и шанса стать авионером.

– Тех, кто считает авиомеханистику своим призванием, среди нас совсем немного, – заметила Санна. – Мадам рей Брик как раз одна из таких. Говорят, она даже не проходила Церемонию камней. Зато механикера она – каких поискать. Одна из лучших в Империи! Но в основном механикеры – это несостоявшиеся авионеры. Неудачницы – и в своих, и в чужих глазах.

– Ты считаешь себя неудачницей? – поразился Ансель. Ему и авиомеханистика долгое время казалась недостижимой мечтой, а для кого-то, оказывается, это равносильно поражению!

– Уже нет, – подумав, ответила Санна. – Но поначалу мне было очень обидно. И – да, я считала себя неудачницей. Обреченная жить совсем рядом с мечтой, но не в мечте, понимаешь? Но с моей Церемонии камней прошло два года, и я научилась любить свое новое дело.

«Два года», – отметил про себя Ансель. Значит, Санна, как минимум, на два года его старше! А он, глядя на ее почти кукольное лицо и ясный взгляд, принял юную даму за свою ровесницу.

– Кстати, открою тебе тайну: тебе здесь не рады вовсе не потому, что тут работают одни снобы, которые считают, что место джентльмена – дома на кухне, – сказала Санна. Легкомысленные светлые кудряшки и легкий тон удивительно не вязались с теми серьезными словами, которые она говорила. – То есть, может, кто-то в это и верит, но их озлобленность не от того. Просто многие механикеры по-прежнему считают себя неудачницами и завидуют авионерам. И это не лучшим образом отражается на их характере. Они и друг друга сожрать готовы; им все равно, на ком срывать накопившуюся злость. А ты для них, сам понимаешь, особенно удачный объект.

Ансель хмыкнул. От того, что он понимает мотив тех, кто над ним насмехается, легче не становилось.

И даже после пояснений Санны он отказывался испытывать сочувствие к механикерам. Мир джентльменов был полон запретов и ограничений, в то время как дамам были открыты любые дороги! Живи как хочешь, учись где хочешь, становись кем хочешь! А он о такой свободе мог только мечтать; карьерный выбор джентльмена ограничивался стезями учителей, секретарей и клерков. То, что он умудрился-таки стать учеником-механикером – это уже само по себе бунт, настоящий вызов системе.

– Между прочим, советую приготовиться, скоро градус злости в нашем коллективе только повысится, – предупредила Санна.

– Почему? – нахмурился Ансель.

– Сегодня в летной школе проходит Церемония камней. А это значит, чьи-то мечты стать авионерами разобьются. И многие из несостоявшихся авионер придут сюда разочарованные и злые. Обиженные на весь мир.

Ансель лишь пожал плечами. Чуть больше насмешек, чуть меньше – какая разница? Он выдержит. Его цель стоила любых жертв.

А чужие разбитые мечты его и вовсе не волновали – у него хватало своих.

Глава

2

Больше всего Ника боялась, что кто-нибудь остановит ее и спросит: «Девушка, что вы здесь делаете?» Но, похоже, если ты уже оказалась внутри здания Министерства полетов, то вопросы о цели твоего присутствия ни у кого не возникнут; предполагалось, что ты здесь находишься с полным правом.

И потому Ника, стараясь придать себе уверенный вид человека, который точно знает, куда и зачем идет, шла за Ванессой и Вильмой, время от времени перекладывая тяжелый саквояж из одной руки в другую.

В любой другой день Ника залюбовалась бы коридорами министерства; мраморные полы, высокие стрельчатые окна с изумительными витражами, лампы, похожие на произведения искусства, и высокие потолки, расписанные полотнами, запечатлевшими сцены исторических боев на мысе Горн. И конечно, авионеры в красивой голубой форме... Но сейчас все внимание Ники было сосредоточено на том, чтобы не отстать от Ванессы с Вильмой.

Вопрос, что она будет делать, когда окажется в Зале аэролитов, Ника гнала от себя прочь. Вот придет и на месте обязательно что-нибудь придумает.

Увидев впереди высокие двойные двери с красочными изображениями воздушных баталий и конечно же девизом министерства над ними, Ника поняла: вот он, тот самый Зал аэролитов, где рождаются авионеры. Каждая из героинь неба, даже легендарная Кейва рей Линн, когда-то стояла перед этими самыми дверями, за которыми начинался их путь к славному будущему. А сейчас здесь стояла она, Ника, и ей очень хотелось верить, что за порогом ее тоже ждет триумф, а не разочарование.

Тем временем Ванесса, не колеблясь, толкнула тяжелые створки и вошла внутрь. Вильма шагнула за подругой, а Ника, не мешкая, проскользнула за ними вслед. Лямка саквояжа, как назло, зацепилась за ручку двери, и несколько мгновений девушка упорно с ней боролась, прежде чем сумела освободиться. Подняла глаза – и обмерла.

Зал аэролитов был огромен. Сногшибателен. Великолепен. Он поражал и подавлял. Откуда-то с высоты доносилась негромкая, торжественная мелодия. Свет газовых шандальеров отражался сотнями отблесков в зеркальных панно, украшавших стены. Под потолком парило три старинных авиона, в одном из которых, ярко-желтом с черными полосами на крыльях, Ника тут же узнала биплан Кейвы рейс Линн, чьи фото-граммы не раз появлялись в журналах, посвященных авионавтике. Именно на этой летной машине легендарная авионера открыла далекие земли Синих льдов и архипелаг Золотого дна у Южного полюса, а также провела немало боев на мысе Горн.

А по всему периметру зала тянулись массивные столы, накрытые черным бархатом, и на них, словно драгоценные ювелирные украшения, лежали главные сокровища Империи, самая суть величия Арамантиды – аэролиты.

Тихонько юркнув куда-то вбок, Ника замороженно рассматривала летные камни. Они походили на россыпь драгоценностей: одни сверкали синим и зеленым, другие отливали розовым или золотистым, какие-то были почти прозрачными, какие-то – почти черными, а то и вовсе сочетали в себе сразу несколько неповторимых оттенков. Круглые и продолговатые, гладкие и острые, правильных и неправильных форм – среди них не было двух похожих. Размером от перепелиного яйца до яблока, они торжественно лежали на черном бархате и ждали, когда их разбудят.

На одной стороне зала выстроились кандидатки летной школы. Их было несколько дюжин, все щеголяли нарядами один другого красивее; одни от волнения раскраснелись, другие, наоборот, побледнели. Почти все – ее ровесницы, но Ника заметила и несколько дам постарше; не все шли в авионеры сразу после гимназии, некоторые решались на этот шаг позже. Как, например, ее собственная мать, которую она не знала... Интересно, встретит ли она ее когда-нибудь?

Ника успела к самому началу Церемонии: по сигналу одной из преподавательниц школы первая кандидатка ступила на расстеленную вдоль столов красную дорожку и медленно пошла по ней, внимательно глядя на разложенные аэролиты.

Ника сотню раз читала о том, как происходит Церемония камней, но сейчас наблюдала, широко раскрыв глаза. Сколько ни читай про какое-то событие, это все равно не то же самое, что увидеть его по-настоящему. И потому, когда один из аэролитов, мимо которого проходила девушка, вдруг вспыхнул, Ника громко ахнула вместе со всеми. Первый летный камень сделал свой выбор. А это значит, быть той девушке авионерой!

Распорядительница Церемонии, невысокая темноволосая дама в изобилующем рюшами сине-белом костюме, подняла камень и положила его в дрожащие ладони счастливицы. Аэролит искрился и переливался в ее руках. Девушка медленно шла на противоположную сторону зала, не сводя с аэролита глаз и неся его бережно, словно величайшую драгоценность мира. Да, собственно, сейчас для нее это и была величайшая драгоценность на свете.

Наблюдая за счастливицей, только что обретшей свой аэролит, Ника почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и вздрогнула. Быстро просмотрела очередь волнующихся девушек. Нет, на нее никто не обращал внимания, все были слишком озабочены предстоящим, чтобы попусту озираться по сторонам.

А вот преподавательницы летной школы – другое дело. Они на своем веку повидали немало Церемоний камней, и те давно уже не казались им чем-то особенным.

Вот и источник взгляда – стройная дама в ярко-бирюзовой блузе и черном атласном камзоле, с длинными черными волосами и холодными голубыми глазами в ярком обрамлении

черных ресниц. Строгие черты лица почему-то казались Нике знакомыми. Через несколько мгновений она сообразила – это же Анелия эр Мада, знаменитая авионера, прославившаяся не только громкими победами в воздушных боях у мыса Горн, но и тем, что проводила разведку над Третьим континентом. Несколько лет назад мадам эр Мада возглавила летную школу.

«Если я стану авионерой, меня будет учить сама эр Мада!» – подумала Ника, увидела недоуменно вздернутую бровь директрисы и покраснела: вид у девушки был, конечно, совершенно неподобающий для столь торжественной церемонии. Собственно, ей тут вообще находиться не полагается; за прошедший месяц директриса наверняка запомнила всех кандидатов, отобранных к Церемонии, и точно знает, что этой девушки в пыльном дорожном костюме среди них не было.

Мадам эр Мада даже сделала было движение, словно собиралась подойти к незваной гостье и выставить ее вон, но все же решила не прерывать Церемонию. Ника съежилась и непроизвольно шагнула назад. Но тут же упрямо вскинула подбородок. Она никуда отсюда не уйдет! И добьется того, чтобы ей тоже дали шанс!

Следующая девушка начала свой путь по периметру столов – сияющая, взволнованная, с трудом сдерживающая нетерпение.

Она прошла три полные стороны квадрата, когда ее подбородок жалобно задрожал, а на глаза навернулись слезы. Ни один аэролит до сих пор так и не загорелся.

Последнюю сторону квадрата кандидатка не шла, а брела, словно обреченная на казнь, умоляюще глядя на холодные камни. И лишь когда до конца красной дорожки осталось всего несколько шагов, неожиданно вспыхнул один из аэролитов. Маленький, размером с воротничковую брошь. Но это не имело значения. Уже потерявшая всякую надежду, девушка облегченно всхлипывала и смеялась сквозь слезы, глядя на то, как распорядительница отдает ей летный камень... Позже она поймет, что с таким аэролитом обречена на малые авионы, способные лишь на короткие, низкие полеты; иначе говоря, доставлять ей теперь почту и мелкие грузы или в лучшем случае пару пассажиров, да и то на небольшие расстояния. Но это потом. А сейчас девушка была просто счастлива тем, что ее все-таки выбрал летный камень.

Следующая кандидатка не успела сделать и трех шагов, как один из аэролитов вспыхнул. А вот девушке за ней не повезло: она прошла весь периметр, но так и не дождалась заветного света ни от одного из летных камней, даже самого крошечного. Девушку вывели из Зала две преподавательницы, держа ее под руки, – несчастная рыдала в захлеб и совершенно не понимала, что происходит.

Ника наблюдала за ней и невольно вспоминала ходившую в народе легенду, утверждавшую, что на самом деле аэролиты – живые, что у них есть сердце. И сердце аэролита, как и сердце человека, начинает сильнее биться только при встрече со своей настоящей второй половиной...

Одна за другой, почти все кандидатки прошли свой путь по красной дорожке; камни отказали примерно половине из них. Оставались лишь Вильма с Ванессой.

Белокурая красавица даже не стала дожидаться сигнала распорядительницы. Уверенно расправив плечи, она зашагала вдоль дубовых столов и демонстративно не смотрела в их сторону.

Она не сбавила шага, даже когда остался последний отрезок красного пути. И, только дойдя до крайнего стола, Ванесса обернулась и недоуменно уставилась на оставшиеся позади аэролиты. Ни один из них так и не загорелся.

Две преподавательницы уже двинулись ей навстречу, чтобы вывести из зала, когда красавица безапелляционно заявила:

– Этого не может быть. Тут какая-то ошибка!

– Летные камни не ошибаются, – участливо ответила распорядительница Церемонии и взяла Ванессу за руку, но та вырвала ладонь.

– Я хочу пройти еще раз! – потребовала девушка.

– Если вы не разбудили аэролит с первой попытки, то это окончательно, ни вторая, ни третья попытки ничего не изменят. К тому же по правилам Церемонии не положено... – начала было распорядительница, но Ванесса перебила ее с тем надменным высокомерием, что присуще лишь самому высшему классу:

– Мне плевать, что положено, а что нет. Я – Ванесса рей Торн, и я пройду еще раз!

Распорядительница беспомощно обернулась к директрисе. Анелия эр Мада прищурилась, глядя на Ванессу, а затем едва заметно кивнула.

Но девушка и не дожидалась разрешения: она уже вернулась к первому столу и вновь шла по периметру квадрата. На этот раз Ванесса не игнорировала разложенные аэролиты и шла очень медленно, всматриваясь в каждый из них.

И вновь ни один из летных камней не зажегся.

В отличие от остальных кандидаток, которым не повезло, Ванесса и не думала рыдать или покидать Зал. Негодуя фыркнув, она отошла в сторону, скрестила руки на груди и приняла вызывающую позу: а ну-ка попробуйте меня выкинуть!

Оставалась Вильма. Она не обладала самоуверенностью подруги и с самого начала шагала по дорожке медленно, внимательно глядя на летные камни.

Ей повезло уже на второй стороне периметра: один из аэролитов вспыхнул. Держа в ладонях драгоценную ношу, радостная Вильма нашла взглядом подругу.

Ванесса не улыбнулась, лишь злобно прищурилась в ответ. Вильма растерянно отшатнулась. Похоже, как и многие другие, она не помнила про вторую часть обещания «и в горе, и в радости». Про то, что и дружба, и любовь испытываются горем, знал каждый. А вот то, что радость – это тоже испытание, понимали не все. Настоящая, казалось бы, дружба могла вполне успешно устоять перед трудностями, но частенько не выдерживала, когда к одному из друзей приходил подлинный успех.

Доносившаяся из-под потолка музыка стихла, и в наступившей тишине отчетливо прозвучал голос мадам эр Мады:

– А что здесь делаете *вы*?

Ника вздрогнула. Ей не нужно было видеть, на кого смотрит директриса, чтобы понять, к кому она обращается.

– Эм-м... – Вся накопленная решимость, все заранее заготовленные слова мигом вылетели у Ники из головы. Но она заставила себя говорить. – Понимаете, мадам эр Мада, я живу за пределами столицы и не видела список кандидаток. Я только сегодня узнала, что меня там нет. Но я подумала... я надеялась, что, может быть... вы разрешите мне... раз уж я приехала в Сирион...

Ника замолчала; в великолепии этого огромного зала ее слова звучали как-то особенно жалко.

– Это невозможно. Мы проводили тщательную проверку всех тех, кто подал заявление. Если вас нет в списках, это означает, что вы ее не прошли.

– Да, я все понимаю, но...

– Никаких исключений, – разом перечеркнула все надежды мадам эр Мада. – Церемония камней закончена.

«Вот и все», – тупо повторила про себя Ника, глядя на то, как расходятся присутствующие. Но когда мимо прошла одна из нарядных девушек, бережно прижимая к груди искрящийся аэролит, словно какая-то неведомая сила подтолкнула ее вперед.

– Мадам эр Мада! – громко позвала Ника и, бросив саквояж прямо у входа, побежала к директрисе.

Ника собиралась просить, настаивать, упрашивать, умолять... Она пересекла половину зала, когда поняла, что вокруг внезапно воцарилась гробовая тишина.

Девушка недоуменно огляделась.

Из середины стоящего справа от нее дубового стола шло сияние. Ника не сразу поняла, что оно исходит от массивного невзрачного булыжника, лежавшего среди драгоценных аэролитов для антуража, – именно в такой горной породе добывали летные камни.

Несколько долгих мгновений все присутствующие в зале не двигались и, казалось, даже не дышали. Наконец мадам эр Мада разрушила это оцепенение; подойдя к столу и с трудом приподняв булыжник, она с силой бросила его на пол. Порода треснула, и из-под серой осыпавшейся корки показался ярко светящийся аэролит.

Самый большой аэролит, который только был в Зале, в разы превосходящий даже самых крупных своих собратьев.

* * *

– Это против всех правил! Она не прошла проверку! Мы так и не выяснили кое-какие семейные обстоятельства, а обстоятельства там весьма подозрительные!

– Вы видели размер того аэролита? Представляете, какие авионы он сможет поднять? И как их можно будет использовать? А на мысе Горн нам совсем не мешает еще одна мощная летная машина типа «Грозы»!

– Почему никто не догадался, что в этом куске породы скрывается летный камень?

Ника сидела на скамейке в одном из коридоров Министерства полетов, куда ее привели сразу после Церемонии камней. У ног девушки стоял саквояж, а сама она слушала доносившийся из-за двери жаркий спор. Ее руки нервно сжимались и разжимались, словно вспоминая притягательную тяжесть сверкающего аэролита, который выбрал ее... И который у нее сразу же забрали. Но это ничего не меняло; Ника почти физически ощущала незримую связь с летным камнем. С его сердцем. Как бы далеко он от нее ни был, теперь она всегда будет его чувствовать.

Вспомнив то невероятное, ни на что не похожее ощущение правильности и *завершенности*, которое ее охватило, когда она держала в руках летный камень, Ника внезапно успокоилась. Да, за дверью кабинета директрисы летной школы сейчас решалась ее судьба, но девушка понимала, что это не имеет значения, ведь ее судьба решена на другом, куда более важном уровне.

Задумавшись, Ника не заметила, как рядом с ней появилась еще одна дама. Седые волосы забраны в строгий пучок, в резких чертах лица ни намек на мягкость. Она скользнула по Нике быстрым, цепким взглядом и без стука вошла внутрь.

– А кто будет ее обучать? – отчетливо донесся до девушки тонкий, взволнованный голос распорядительницы Церемонии. – Для управления аэролитом с такой мощностью требуется особенно тщательная подготовка...

– Мадам министр! – раздался тут нестройный хор голосов, и Ника обмерла: получается, эта седовласая дама – сама министр полетов?

– Зайди, девочка, – бросила мадам через плечо, держа дверь приоткрытой.

Ника неловко вскочила, торопливо подхватила саквояж и, отчетливо осознавая, как сильно помято и запылилось ее скромное дорожное платье, неуверенно проскользнула внутрь. Всю свою храбрость, которая у нее была, она израсходовала на Церемонии камней.

– Николь рей Хок, поздравляю, ты принята в летную школу, – с ходу заявила министр не терпящим возражений тоном, глядя при этом не на Нику, а на директрису.

– Как скажете, мадам министр, – не стала спорить мадам эр Мада. – Но как быть с ее обучением? Ей потребуется специализированная подготовка, а у нас в школе нет инструкторов с аэролитами даже приблизительно такого же размера, как ее летный камень... Собственно, я сомневаюсь, что во всей Империи найдется авионера с таким летным камнем, как у нее.

– Найдется, – ответила мадам министр. – Трис рей Дор.

Нике показалось, что директриса едва слышно застонала. Но ее лицо при этом осталось совершенно невозмутимым.

Даже слишком невозмутимым.

– Трис рей Дор, – ровно повторила она. – Мадам министр, вы же понимаете, что...

– Я понимаю, что мы находимся на грани войны с Третьим континентом, – перебила министр. – На мысе Горн не проходит и дня без вооруженных стычек с врагом; кому, как ни тебе, Анелия, этого не знать. И мы не можем позволить себе отказаться от еще одного мощного военного авиона. Вторая летная машина типа «Грозы» заметно усилит наши силы на базе мыса Горн. Арамантиде нужна еще одна авионера с таким мощным летным камнем, и соображения блага Империи перевешивают все сомнения по поводу того, *кто* родители девочки и *кто* будет ее обучать.

Глядя на по-прежнему абсолютно невозмутимое лицо мадам эр Мады, министр внезапно смягчилась.

– Анелия, поверь, будь какой-то другой вариант, я бы тоже предпочла его. Но поскольку выбора нет, девочку будет обучать рей Дор. Это мое окончательное решение.

– Да, мадам министр, – только и ответила директриса.

Министр резко кивнула и, не прощаясь, вышла.

Ника с облегчением выдохнула и осознала, что все это время невольно сдерживала дыхание.

– Трис рей Дор? – ошеломленно произнесла распорядительница Церемонии и покачала головой. – Ее будет обучать Трис рей Дор? Поверить не могу!

– Я тоже, – мрачно согласилась директриса и бросила на Нику укоризненный взгляд.

Ника не опустила глаз. Она не знала, кто такая Трис рей Дор и почему директриса так ее не любит, но не собиралась чувствовать себя из-за этого виноватой. Собственно, недовольство мадам эр Мады ее сейчас и не волновало, ведь после распоряжения самой министра полетов из школы ее точно не выгонят!

* * *

Вот уже который раз Ансель бродил в гуще ночной темноты по сонным улицам Сириона. Столица затихала лишь на несколько коротких часов поздней ночью, и, размеренно шагая по булыжным мостовым вдоль спящих жилых домов, замерших заводов и витрин закрытых магазинов, Ансель словно узнавал ее заново – таким незнакомым, таким другим казался этот пустой, тихий город. Мягкий свет газовых фонарей, скрип колес проехавшей вдалеке конки, отдающий фабричным дымом смог, тощая пугливая кошка, юркнувшая в подворотню, тихонько покачивающиеся на ветру вывески контор и магазинов – ничего этого днем он не замечал.

Впрочем, вовсе не желание получше узнать Сирион гнало Анселя на улицу в столь неурочные часы. И не пьяные вопли, которые всю ночь раздавались под окнами его тесной комнатухи в доходном доме Пестрого квартала, одного из худших – потому что на лучший не хватало денег – районов города. И даже разговорчивый, смазливый блондин Тайрек, с которым ему пришлось снимать комнатуху вскладчину, чтобы сэкономить, его не раздражал; к тому же сегодня тот и вовсе не ночевал дома. Безработный и беззаботный, Тайрек, казалось, ничуть не тяготился тем, что вот уже которую неделю не может никуда устроиться. Впрочем, вчера он хвастался, что наконец-то получил должность клерка в каком-то министерстве, и сегодня вечером отправился отмечать это дело.

Ансель отказался от приглашения соседа составить ему компанию. Но вскоре пожалел: мысли, которых он успешно избегал днем на работе в Конструкторской, всегда настигали его по ночам. И сегодняшней вечер не стал исключением. Горькие, безрадостные мысли, которые

буквально распирали его изнутри, требовали не терять время попусту, а вскочить и начать действовать! И неважно, что еще слишком рано, что Ансель сделал лишь самый первый шаг на своем долгом пути...

Вот он и вставал, одевался и шел бродить по ночным улицам. Чаще всего он оказывался в Дымном квартале, где располагались фабрики и заводы, склады и цеха; именно там по ночам работало больше всего монкулов: они подметали грязные улицы, прочищали постоянно забивающуюся канализацию, заправляли газом уличные фонари... Ансель выбирал тень поглубже, нырял в нее и смотрел, смотрел за этими странными существами, которые когда-то были людьми... И за их надсмотрщиками, то и дело прикладывающими к губам что-то похожее то ли на маленькие дудочки, то ли на свистки; те издавали не слышимые обычным человеческим ухом звуки, которые управляли монкулами. Говорили, для того, чтобы выучить все виды этих беззвучных команд, будущие надсмотрщики даже практиковались в игре на флейте.

Конечно, Ансель понимал, что в столице – тысячи монкулов, а значит, и шанс случайно встретить среди них Мию очень мал. Понимал и продолжал заглядывать в лицо каждого встреченного им монкула...

Вместе с тем Ансель не представлял, что он станет делать, если и впрямь столкнется с Мией. А может, он ее уже видел, но просто не узнал; застывшие, словно маски, безволосые, безжизненные лица монкулов настолько походили друг на друга, что иногда не удавалось даже определить, мужчина это был прежде или женщина.

Правда, в глубине души Ансель почему-то думал, что даже безжизненная маска монкула не смогла бы полностью стереть выразительные черты лица Мии – эти медные брови вразлет, яркие глаза цвета жженого кофе, густые каштановые волосы... Хотя нет, ни волос, ни бровей с ресницами у нее, конечно, не осталось.

Ансель поежился.

В ночную тишину вкралось ритмичное пыхтение двигателя. Ансель обернулся. По улице медленно ехал черно-белый мобиль Жандармерии. Поравнявшись с Анселем, мобиль замедлил ход. Юноша невольно напрягся. И что же есть такое особенное в появлении представителей власти, что заставляет чувствовать себя виноватыми даже тех, кто не совершил ничего противозаконного? Он, например, совершенно точно ничего плохого не сделал. По крайней мере пока...

Две жандармы из окна мобиля смерили Ансея подозрительными взглядами, но, не усмотрев ничего подозрительного, поехали дальше. Ансель облегченно выдохнул...

И тут мобиль Жандармерии резко затормозил.

«Неужели решили меня проверить?» – подумал Ансель. Но тут двигатель громко рыкнул, мобиль резко рванул с места и, разогнавшись так, словно преследовал улепетывающего вора, свернул на ближайшем перекрестке.

Невольно заинтересовавшись тем, что случилось, Ансель ускорил шаг, а затем и вовсе перешел на бег, когда услышал шум, доносящийся с улицы, куда умчались жандармы.

Он едва успел добраться до перекрестка, когда из узкого проема между мрачными безоконными складами перед ним выскочило трое: дама с юношей, все в черном и с капюшонами на головах, и... монкул в обычной серой хламиде! Увидев неожиданного свидетеля, они остановились так резко, словно налетели на стену.

Дама сориентировалась быстро: выхватила из-под плаща револьвер и направила на Ансея. Из-под темного капюшона возбужденно блестели темные глаза.

– Кто ты такой? Следишь за нами?

Ансель замер, не сводя глаз с дула, – оружием ему еще никто никогда не угрожал.

– Да вы что, нет конечно! – совершенно искренне заверил он. – Я просто гулял.

– Гулял? В Дымном квартале? В четыре часа утра? – Дама покачала головой, отчего черный капюшон сполз на плечи, открыв резкие, жесткие черты лица и черные волосы, уложенные

в тугой пучок на затылке. – Хочешь сказать, любовался заводами и дышал свежим смогом? Не смеши меня! – воскликнула она и взвела курок.

Ансель даже не успел испугаться, когда вмешался спутник дамы:

– Остынь! Мы не одобряем неоправданных убийств. Вдруг он говорит правду? Хотя... где-то я уже видел этого парня...

Ансель выдохнул и бросил быстрый взгляд на юношу, который, кажется, только что спас ему жизнь. Ну, или, как минимум, отсрочил смерть. На вид около двадцати лет, бесцветное худое лицо, длинный нос, какие-то странные блеклые глаза – нет, Ансель его определенно точно раньше не встречал!

– Вспомнил! Это же тот самый тип! Мы его заметили на прошлой неделе под мостом у набережной! А позавчера он прятался у керамического завода...

Дама ткнула револьвером в Анселя, и он ощутил холод металла возле ребер.

– Значит, шпион... Ты из Жандармерии? Или Гардинарии?

– Да нет же! Это вообще какое-то недоразумение...

Пронзительный свисток нарушил тишину ночных улиц.

– Жандармы! Рина, бежим! – крикнул юноша и, не мешкая, нырнул в ближайшую подворотню, на ходу сунув в рот свисток, такой же, каким пользовались надсмотрщики. Через несколько мгновений, получив беззвучную команду, монкул побежал за ним.

Дама приставила дуло револьвера ко лбу Анселя, и юноша замер. Неужели сейчас она и впрямь выстрелит? Неужели вот так нелепо закончится его жизнь? Как глупо! Он ведь совсем ничего не успел, кроме как полюбить и потерять свою любовь...

– Ты! Идешь с нами! – Резкий голос привел его с себя.

Ансель не колебался ни секунды. Как ни крути, наставленное на тебя дуло револьвера очень убедительный довод.

Глава

3

– И правильно сделала! – совершенно однозначно одобрила Агата поступок подруги, когда та рассказала, что случилось на Церемонии камней в Министерстве полетов. – Удача – как яблоко, может, конечно, и сама упасть в руки, но куда надежнее залезть на яблоню и самой ее сорвать.

Ника улыбнулась. Последние несколько дней Агата стала частенько говорить такими вот образными фразами, словно вслух проговаривала тексты для будущих репортажей. А когда Ника рассказала, что разбудила самый большой аэролит в зале, только присвистнула.

– Ничего себе! Получается, ты теперь сможешь летать на самых быстрых и самых больших авионах Империи!

Агата даже замерла на миг, будто прислушиваясь к десятку идей, которые набросились на нее одновременно со всех сторон.

– Интересно, как они решат тебя использовать? Будешь исследовать новые земли или же тебя отправят в разведку на Третий континент? А может, даже отправят искать Седьмое небо? – возбужденно выпалила она. – Хотя нет! Не будут новичка отправлять ни в разведку, ни на исследование новых земель, тебя наверняка пошлют на мыс Горн набираться опыта!

– Ты правда так думаешь? – спросила Ника, почувствовав, как сердце пропустило удар.

Мыс Горн был, пожалуй, самым стратегически важным местом во всей Империи. Арамантиду и Третий континент разделял узкий пролив. Теоретически попасть на Третий континент можно, облетев вкруговую над Туманным океаном, но мощностей аэролитов и авионов на такое далекое путешествие не хватало. А пересечь пролив напрямую не давала разделяющая континенты полоса постоянных циклонов; ни одно летное судно не могло благополучно преодолеть эти сильнейшие атмосферные вихри. Единственный спокойный, тихий воздушный коридор в непрерывной полосе циклонов располагался как раз над мысом Горн – участком суши на стороне Арамантиды, острым углом врезающимся в пролив. Разумеется, именно там сосредоточились военные силы обеих сторон, ведь только через мыс Горн можно было совершить прорыв на чужую территорию.

На мысе Горн располагались лучшие военные силы Империи. На мысе Горн жили герои, каждый день рисковавшие своими жизнями, чтобы защитить Арамантиду от вражеского втор-

жения. Каждая девчонка Империи росла на историях о легендарных авионерах, охранявших родину. Каждая мечтала попасть на мыс Горн, чтобы совершить подвиг.

И Ника тоже мечтала. Почти так же сильно, как и о том, чтобы стать авионерой. А еще лучше – стать авионерой и оказаться на мысе Горн. И тогда Ника тоже превратилась бы в одну из тех авионер, про которых читала в газетах. Стала бы героиней, изо дня в день защищающей жизни миллионов жителей Арамантиды.

Однако Ника не позволяла себе слишком сильно увлекаться этими мечтами; если в них поверить, а они не сбудутся, то разочарование окажется слишком болезненным. И потому девушка концентрировала внимание на тех целях, которые были непосредственно перед ней, один шаг за раз. Сначала – приехать в столицу. Потом – попасть на Церемонию камней. Разбудить аэролит. Затем – успешно отучиться год в летной школе. После него – пройти обязательную годичную стажировку. И уже тогда, к восемнадцати годам, стать полноправной авионерой. А дальше... дальше Ника пока не загадывала.

Но сейчас девушка поняла, что, скорее всего, Агата права: раз уж она разбудила самый большой аэролит Империи, ее наверняка отправят туда, где он нужнее всего. На мыс Горн.

– Везет же тебе! – вздохнула Агата. – Я всегда мечтала туда попасть! Писать репортажи с места военных действий – это еще увлекательнее, чем криминальные сводки! Эх...

– Пока меня никто никуда не отправляет, – резонно заметила Ника, не позволяя себе лишних эмоций. Для радости еще слишком рано.

– Но тебе хоть намекнули, к чему именно собираются тебя готовить? – жадно спросила подруга.

– Мне кажется, они еще и сами не знают, – подумав, ответила Ника. – Все они здорово растерялись, когда увидели, какой аэролит меня выбрал. Мало того что он огромного размера, так он еще и был в куске породы, который лежал у них в Зале камней просто для антуража, никто не подозревал, что внутри его скрывается летный камень! И потом, у них нет для меня подходящего преподавателя, потому что ни у кого из инструкторов летной школы нет аэролита даже приблизительно такого размера, а значит, нет и нужного опыта.

Ника на миг замолчала, осмысливая сказанное. В мечтах было очень приятно представлять себя особенной! В реальности же мысль о том, что она, оказывается, и впрямь теперь *настолько* особенная, пугала...

– Министр специально приказала вызвать какую-то авионерицу, у которой, как я понимаю, тоже есть очень крупный аэролит, – продолжила Ника делиться с подругой новостями. Вспомнила реакцию мадам эр Мады на имя предложенной министром наставницы и усмехнулась. – Только вот директрисе это предложение почему-то очень не понравилось.

– А что за авионерица? – заинтересовалась Агата.

– Трис рей Дор.

Подруга нахмурилась, словно пытаясь что-то вспомнить. Ника тоже. Имя с самого начала казалось ей смутно знакомым, но там, в школе, она была слишком оглушена всем происходящим, чтобы вспомнить почему.

– Интересно, не Триссу ли рей Дор они имели в виду? Помнишь, о ней еще писали в газетах несколько лет назад?

И тут в голове Ники словно что-то щелкнуло. Конечно же она читала о Триссе рей Дор – и в «Вестнике авиона», и в газетных архивах! Трисса рей Дор была военной авионерой и провела не меньше полусотни боев над мысом Горн. И между прочим, какое-то время она даже летала в тандеме с мадам эр Мадой. Только...

– Но ведь она, кажется, погибла, – пробормотала Ника.

– Значит, это какая-то другая Трис рей Дор; не дадут же тебе в инструкторы мертвую авионерицу, – пожала плечами Агата. А потом вскочила так, будто ее подбросило пружиной. – погоди, я поняла!

– Что ты поняла?

– У Триссы был брат-близнец, Тристан рей Дор.

– И что?

Агата лишь выразительно округлила глаза.

– Бред! – отрезала Ника. – Мужчины не могут быть авионерами, это все знают.

– Да? А я вот в одной газете читала про мужчину, который разбудил аэролит.

– Что за газета?

– «Тени Арамантиды».

– А, – усмехнулась Ника. – Это одна из тех газет, которые пишут, что в нашем правительстве работают шпионы Третьего континента, что беглецы в Облачных горах установили равноправие женщин и мужчин и что какая-то дама родила ребенка от монкула?

Агата и не подумала смущаться.

– Да, и что? Там тоже порой пишут правду.

– Ну, хорошо, предположим, – только предположим! – что Трис и впрямь мужчина и он авионер. Если это правда, то почему о нем не писали в центральных газетах? Такая новость должна была оказаться на всех первых полосах!

Агата присела на кровать, наклонив голову, так что несколько рыжих прядей упали ей на глаза, и очень серьезно сказала:

– А ты подумай хорошенько.

Ника пожала плечами.

– О чем?

– Почему в Арамантиде у женщин больше прав, чем у мужчин?

– Потому что мы более сдержанные и выносливые, менее конфликтные и вспыльчивые...

– Нет, я не про это. С чего вообще началось такое разделение ролей в нашем обществе?

– С аэролитов, – медленно ответила Ника и продолжила цитировать заученные на уроках истории фразы, начиная понимать, куда клонит ее подруга. – Вся мощь Арамантиды стоит на авионах. Именно благодаря им были покорены государства Бруньер, Ревентина, Цвельт и Клейс и превращены в вассальные провинции Империи. Но поднять авионы в воздух могут только аэролиты, а разбудить аэролиты могут только женщины...

– Вот и подумай, будут ли власти предавать гласности, что появился мужчина-авионер? В Империи и так подспудно кипит недовольство из-за низкого положения мужчин; кто же захочет давать им в руки такое оружие? Если окажется, что и мужчины могут быть авионерами, женщины потеряют свое нынешнее привилегированное положение...

– Если Трис и впрямь окажется мужчиной, то я думаю, его случай – просто редкое исключение, – перебила Ника. – Ведь не выдумали же, в конце концов, что аэролиты могут разбудить только женщины?

– Знаешь что, подружка, гадать мы можем до бесконечности. Но совсем скоро ты познакомишься с инструктором, и вот тогда мы все узнаем наверняка.

Ника кивнула, соглашаясь.

– Кстати! – воскликнула она и почувствовала укол вины – слишком долго они обсуждают ее проблемы. – Как у тебя все прошло в Жандармерии? Я могу поздравить себя с тем, что дружу с настоящим криминальным репортером?

Агата помрачнела и с размаху плюхнулась на высокую постель, застеленную покрывалом из ярких разноцветных лоскутов. Подруги арендовали скромную меблированную комнату в Шатрах – квартале, где селились в основном лицедеи, циркачи и прочие артисты. При всей умеренности цен этот район столицы оставался достаточно безопасным, в отличие от того же Пестрого квартала или квартала Туманов. Доходный дом содержала вышедшая на пенсию хозяйка передвижного карнавала; им сейчас управляла ее дочь, а матери регулярно доставались ненужные уже карнавальные атрибуты. Именно поэтому шторы на окнах дома были сшиты из зана-

весей для сцены, одеяла – из локутов изношенных карнавальных костюмов, а стены украшали красочные афиши давно отгремевших представлений.

– Все прошло не очень, – призналась Агата. – В приемной меня не захотели даже слушать. Но я, как и ты, решила идти напролом и пробилась до самой начальницы пресс-отдела. Но и она мне отказала. «То, что в вашем „Вестнике Кибири“ вы считались лучшим репортером, меня ничуть не впечатляет, – спародировала Агата невидимую собеседницу. – И если вы пару раз написали о том, как кто-то обчистил местный магазин сладостей или украл булочку с уличного лотка, это еще не делает вас пригодной для работы криминальным репортером в столице, да еще и в самой Жандармерии».

– Ого, – выдохнула Ника, садясь на свою кровать.

Когда они ехали в Сирион, она втайне считала, что у подруги шансов исполнить свою мечту гораздо больше, чем у нее; в конце концов, аэролиты могли ее просто не признать, и тогда прости-прощай карьера авионеры. Работа же репортера ни от каких высших мистических сил не зависела... Ну, если не считать высшими мистическими силами начальство, конечно.

– И что ты теперь будешь делать?

– Уж точно не обратно в «Вестник Кибири» возвращаться, – засмеялась подруга. – Раз не получилось с пресс-центром Жандармерии, попробую устроиться в одну из центральных газет. Здесь же полно солидных, серьезных изданий! Тот же «Утренний телеграф» или «Сирион пост»! И в каждом есть раздел криминальной хроники.

Ника покачала головой. Она никогда до конца не понимала, чем же так завораживает ее веселую, жизнерадостную подругу все связанное с темным миром преступности. Как не понимала, почему та, раз ее это так привлекает, не хочет стать жандармой.

– Расследуя преступления, констебли связаны законом и приказами начальства, – лукаво усмехнулась Агата, когда Ника однажды спросила ее об этом. – У репортеров гораздо больше свободы. Если бы я была констеблем и мне приказали закрыть глаза на какие-то улики и закрыть дело, потому что поступило соответствующее распоряжение сверху, мне пришлось бы подчиниться. А как репортер, я все равно напишу об этом статью, и люди узнают о настоящем преступнике.

– А ты огребешь себе массу проблем, – ответила Ника тогда, но ее слова не произвели на Агату никакого впечатления. Она твердо верила, что миссия репортеров – нести людям правду, чего бы это ни стоило, и видела в этом свое жизненное предназначение.

– Что ж, это хорошо, что у тебя есть запасные варианты, – сонно пробормотала Ника и опустила голову на круглую подушку, обтянутую шелковой тканью с пышными, кое-где порванными кружевами. Сама она даже не представляла, что стала бы делать, если бы Церемония камней закончилась провалом. Хватило бы у нее духу пойти в механикеры? Всю жизнь проработать с авионами, но так ни разу самой не поднять их в небо?..

«Неужели рей Дор и правда мужчина? – подумала она, засыпая. – Интересно, как скоро он появится?.. Или она... Надо завтра не забыть написать письмо отцу...»

* * *

Тайрек вернулся домой под утро. Впрочем, крохотную каморку доходного дома, которую он снимал на окраине Пестрого квартала вскладчину с другим гостем столицы, сложно было назвать домом. Шаткая лестница на чердак, скрипучие половицы, низкие, скошенные потолки, два оконца на покато́й крыше, две узкие кровати, пропахший плесенью шкаф и ржавый ручной мойник. И неизменный, всепроникающий запах рыбы и вареной капусты, которыми семь дней в неделю потчевала своих квартирантов домовладелица.

Бытовые неудобства, впрочем, не слишком сильно отравляли Тайреку жизнь: он знал, что это лишь отправной пункт его длинного пути в столице и дальше будет лучше. Да здесь было

не так уж плохо: над головой есть крыша, и она не протекает. И с соседом по комнате повезло: Ансель парень неплохой. Может, слишком серьезный и молчаливый, но в целом неплохой. Немного помешанный на своей работе, постоянно жжет по ночам лампу и все читает учебники по авиомеханистике или изучает чертежи.

Несмотря на ранний час, Анселя он в комнате не обнаружил. Неужели тот уже ушел в Конструкторскую? В то, что его сосед загулял на какой-то Ассамблее, Тайрек не верил: Ансель не был любителем легкомысленного времяпрепровождения.

По-хорошему, Тайреку стоило бы сегодня получше выспаться, ведь ему предстоял первый рабочий день, и не абы где, а в самом Министерстве труда! Да, пусть простым клерком. Но для юноши, приехавшего в столицу из глубинки, сразу, с ходу устроиться пусть даже и на скромную должность, зато в такое солидное учреждение – уже большое достижение!

Однако вместо отдыха Тайрек до утра веселился на Ассамблее и сейчас ничуть об этом не жалел.

Растянувшись на постели, он заложил руки за голову и улыбнулся воспоминаниям о последней ночи. Неформальные частные Ассамблеи куда приятнее тех, которые проводят в уважаемых кварталах города. Атмосфера там куда более раскованная, костюмы куда менее неудобные, а нравы гораздо менее строгие. Много смеха, шуток и танцев без соблюдения положенных фигур, зато с душой и под музыку.

Тайрек мечтательно вздохнул. Ах, если бы жизнь всегда была такой – без бесчисленных правил и жестких ограничений, бесконечных условностей и запретов: джентльмену нельзя это, джентльмену не положено то, джентльмен не должен, джентльмену полагается, джентльмен обязан... Как же не хватает в их жизни такой простой свободы в мелочах! По крайней мере – мужчинам не хватает...

Словом, вечер удался.

Он бы удался еще больше, если бы не эта история с Вивьен... А ведь все так хорошо начиналось! Красивая молодая дама, вряд ли старше двадцати пяти, с роскошными черными локонами и сверкающими ореховыми глазами, она пригласила Тайрека на быстрый рил, но в итоге они протанцевали еще четыре танца подряд! За такое вопиющее нарушение порядка с любой уважаемой Ассамблеей их бы просто попросили. У Вивьен было прекрасное чувство юмора и восхитительная улыбка, зажигательный взгляд и заразительный смех; Тайрек был очарован. Ей он, впрочем, тоже понравился; запыхавшись после танцев, они отдыхали возле распахнутых окон, из которых веяло бодрящей осенней свежестью, смеялись сами не зная над чем, а потом упоенно целовались за тяжелой бархатной портьерой.

Но потом... Раскрасневшаяся Вивьен спросила, не хочет ли Тайрек проводить ее до дома. Тайреку было уже восемнадцать – разумеется, он прекрасно понял этот довольно прозрачный намек. И, надо признаться, испытал сильный соблазн согласиться; ему очень понравилась Вивьен. Но... Сейчас не время – ни для интрижек, ни тем более для серьезных отношений.

Тайреку уже доводилось пару раз оказываться в таких ситуациях, и лучшим способом отказа было изображать из себя чопорного джентльмена, которому с детства внушали, что хорошо воспитанный юноша ни за что не позволит себе до свадьбы даже поцелуя. Обычно на дам это действовало. Но после сегодняшних танцев и поцелуев заявление, что он не так воспитан, вышло бы неубедительным. И потому Тайрек не придумал ничего лучше, чем банально сбежать.

– С удовольствием провожу, – галантно заявил он Вивьен. – Только подожди минутку, я спущусь за пальто.

И Тайрек удалился в общую гардеробную Ассамблеи, а оттуда незаметно улизнул через черный вход. Быстро шагая по темным осенним улицам медленно просыпающегося города, он гнал от себя картину Вивьен, одиноко стоящей в холле... Интересно, как долго она будет ждать? И как отреагирует, когда поймет, что он сбежал?

Тайрек и сам не заметил, как задремал.

«Не проспать бы... И все-таки где же Ансель?» – подумал он, прежде чем погрузиться в сон.

* * *

Анселя привели в заброшенное помещение на окраине промышленного района. Вероятно, когда-то оно служило складом пиломатериалов при лесопилке: в воздухе до сих пор витал слабый запах древесины, но то ли владелец разорился, то ли, наоборот, перебрался в куда лучший район, и сейчас бывший склад пустовал.

Впрочем, не совсем пустовал – его заняли новые обитатели. Когда дуло револьвера недвусмысленно приказало Анселю войти, внутри он увидел еще с десятков человек, практически все – мужчины. И, похоже, никто не удивился обстоятельствам его появления; видимо, такие ситуации были здесь не редкостью. Вдоль одной стены стояло несколько простых лежанок с голыми матрасами, в дальнем углу мерцал сложенный на скорую руку очаг, рядом виднелся проем, уводивший куда-то вглубь здания.

– Шпион? – коротко поинтересовался подошедший к ним рослый мужчина лет сорока в надвинутом на лоб картузе и с... Ансель пригляделся. Да, в руках у мужчины была тлеющая сигара! Он явно не тяготился тем, что курение для джентльменов находилось под почти таким же строгим запретом, как и крепкий алкоголь.

– Еще не знаем, – ответила Рина, подталкивая Анселя к стулу, одиноко стоящему в центре помещения. О цели его нахождения там можно было не гадать; Ансель сразу понял, что он – далеко не первый, кого на нем собираются допрашивать.

Как ни странно, он больше не испытывал страха. Если бы его хотели убить, то пристрелили бы еще там, в Дымном квартале. А может, Ансель просто не мог поверить, что с ним действительно может случиться нечто подобное; в его возрасте смерть кажется событием, которое происходит с другими... Впрочем, и обращение в монкулы тоже казалось чем-то далеким и нереальным, но вот случилось с самым близким ему человеком...

– Почему не пристрелили его на месте? – спросил мужчина с сигарой, и обыденность, с которой он задал этот вопрос, вновь заставила Анселя занервничать. Похоже, убивать лишних свидетелей для них все-таки не было чем-то совершенно из ряда вон выходящим.

– Вальди утверждает, что этот, – кивок в сторону Ан-селя, – следит за нами уже довольно давно. Вот я и решила выяснить, кого же это мы так сильно заинтересовали. А там уже разберемся, что с ним делать, – деловито пояснила Рина. И Ансель понял, что вопрос о том, переживет ли он эту ночь, все еще остается открытым.

– А еще мы с добычей, – вмешался худой юноша и вытолкнул вперед монкула. Безразличный, словно механическая кукла с остановившимся заводом, тот равнодушно смотрел прямо перед собой.

– Прекрасно, Вальди, прекрасно, – потер руки мужчина в картузе и сделал глубокую затяжку. – У нас как раз намечается очень многообещающий опыт!

Анселя тщательно обыскали, но, вопреки ожиданиям, связывать не стали. Впрочем, дуло револьвера, нацеленное на него, удерживало ничуть не хуже пут.

– Как тебя зовут?

Отпираться Ансель не собирался. Он не понимал, что происходит, и не хотел понимать, но очень хотел поскорее выбраться из этой переделки, и желательно, конечно, живым... И возможно, если он ответит на все их вопросы, то его отпустят. В идеале – поскорее бы, ему не хотелось опаздывать в Конструкторскую.

– Ансель рей Марн.

– Зачем ты за нами шпионил?

– За вами я не шпионил. Собственно, я вообще ни за кем не шпионил.

– Тогда почему бродишь по ночам?

– На монкулов смотрю...

– Зачем?

А вот тут всю правду говорить не хотелось. И он ограничился частичной.

– Я родом из Кибири. Это на самой окраине столичного округа, – пояснил Ансель, увидев в глазах присутствующих знакомое недоумение. – У нас там почти нет монкулов. А они мне очень любопытны. Вот и... – развел он руками.

Вышло, на его взгляд, довольно убедительно. По крайней мере, Ансель увидел, как стоявший рядом Вальди несколько расслабился, да и выражение лица мужчины в картузе стало чуть менее мрачным. Возможно, его все-таки отпустят, когда поймут, что он не представляет для них никакой угрозы – кем бы они ни были.

Однако Рина, державшая Ансея на прицеле, не спешила ему верить.

– За монкулами можно наблюдать с утра до вечера, вовсе не обязательно рассматривать их именно ночью...

– Если я буду пялиться на них днем, всем сразу станет ясно, что я – глухой провинциал.

– Он врет! – возмутился тут Вальди.

– Сама вижу, – отозвалась Рина, не сводя с Ансея глаз. Оценивающе прищурилась. – Я не особенно люблю применять силу к представителям инфериорного пола, все-таки нас воспитывают вас оберегать и охранять, – ухмыльнулась она, – но ты не оставляешь мне выбора.

С этими словами Рина взвела курок.

Но Ансель не заметил угрожающего жеста. Он его просто-напросто пропустил, потому что в этот момент Вальди откинул капюшон своего плаща, и Ансель, получив возможность хорошенько его рассмотреть, изумленно выдохнул, – юноша был очень похож на монкула! Абсолютно лысая голова, бритые брови, глаза без ресниц. Сделай Вальди бессмысленный взгляд – и его будет практически не отличить от монкула!

– Ты – бывший монкул? – выпалил Ансель.

Рина обменялась быстрым взглядом с мужчиной в картузе. Тот только пожал плечами.

– Он так и так уже столько видел, что нам придется или его убить, или... Впрочем, решай сама.

Ансель вздрогнул. Револьвер в руках Риной пугал его меньше, чем слова этого мужчины, отозвавшиеся в позвоночнике леденящим холодом.

– Нет, он – не бывший монкул, – поколебавшись, ответила Рина.

– А почему он... такой?

Рина вздохнула и внезапно опустила револьвер, а потом уселась на валявшийся неподалеку ящик. Задумчиво завела руку за голову, вытащила из волос шпильки, и тугий пучок на затылке распустился потоком черных волос до плеч, который, впрочем, ничуть не смягчил резкие линии ее лица.

– Неужели ты еще так и не понял, кто мы? – склонила Рина голову вбок и посмотрела на него, как на диковинную зверушку.

– Нет, – покачал головой Ансель. – Я же из Кибири, – напомнил он. – До нас доходит не так много новостей.

– Плохо же мы работаем! – Рина криво улыбнулась соратникам. – Представляете, есть еще люди в Арамантиде, которые о нас не слышали! Пусть даже и на окраинах... Мы – Либерат, – пояснила она Анселю.

Ансель кивнул; он и впрямь никогда не слышал о такой организации, но название говорило само за себя: борцы за свободу. Непонятно только, за свободу кого именно, хотя то, что вокруг были почти исключительно мужчины, наводило на определенные мысли, но сейчас Ансея волновало другое.

– Так что с ним произошло? – кивнул он на Вальди.

– А почему это для тебя так важно? – прищурилась Рина. Ансель стиснул зубы – так, что на скулах заиграли желваки.

– Потому что одного из моих близких приговорили к обращению в монкулы. Вот я и приехал в столицу – хочу узнать, каково это – быть монкулом...

Рина смотрела на него, чуть прищурившись, и, похоже, поняла, что юноша говорит правду.

– Вальди так выглядит, потому что он работает под прикрытием. Смешивается с толпой монкулов, наблюдает за надсмотрщиками, проникает на склады, где их содержат, – словом, собирает информацию. А если повезет, то крадет кого-нибудь из монкулов для опытов.

– Опыты? Что за опыты?

– Мы пытаемся вернуть монкулам их прежнюю личность.

– И что, есть прогресс? – Ансель невольно подался вперед, желая как можно скорее услышать ответ.

– В некоторой степени, – поколебавшись, ответила Рина. – В конце концов, если это могут делать власти, значит, способ есть, и мы должны его разгадать!

«То есть прогресса нет», – сделал вывод Ансель, осмысливая услышанное.

Министерство труда и исправления заявляло, что каждый преступник, отбыв положенный срок в монкулах, будет обращен обратно в человека. Сам Ансель ни разу не встречал того, кто побывал монкулом, но в таком маленьком городке, как Кибирь, это и неудивительно. А вот в столице таких наверняка немало.

– А вы пробовали поговорить с бывшими монкулами? Может, они что-то помнят? – спросил он и почти тут же себя обругал: разумеется, они пробовали! Этот их Либерат наверняка существует уже не первый год, а тут появляется он, еще час назад ничего о них не знавший, и уже суется со своими предложениями.

– Мы бы с удовольствием, – криво усмехнулась Рина, – но есть одна маленькая проблема. Мы не можем их найти.

– Кого не можете найти?

– Бывших монкулов.

– Как это? – даже растерялся от такого ответа Ансель.

– А вот так. Мы нашли несколько стариков, которые утверждают, что были монкулами, но мы не уверены, что их не подводит память. Есть и несколько людей помоложе, которые, по нашим сведениям, были приговорены к обращению, но они отказались с нами говорить. Впрочем, в чем-то я их понимаю; не всякий захочет признаться, что был монкулом. Что до осужденных за последние несколько лет – тут вообще странно. Складывается ощущение, будто в последние годы отбывших наказание монкулов просто перестали обращать обратно в людей. То ли это новая политика министерства, то ли... то ли у них сломался механизм обратного обращения.

Ансель вздрогнул. Нет, не может быть! Не может быть, чтобы сломался!

Рина внимательно наблюдала за тем, как менялось выражение лица юноши.

– А теперь расскажи-ка поподробнее, что случилось с твоим близким человеком.

– Моя подруга Мия... – медленно заговорил Ансель. – В прошлом году она уехала в столицу поступать в летную школу. Мы переписывались... Собирались пожениться после того, как она закончит обучение. А через две недели после того, как она стала авионерой, совершенно неожиданно ее родителям пришло извещение из Министерства труда и исправления...

Ансель замолчал, уставившись прямо перед собой. В дальнейших пояснениях не было необходимости. Все знали: такими извещениями министерство уведомляло о том, что человек осужден за совершение преступления и приговорен к обращению в монкула.

Он помнил этот день так четко, с такими подробностями, словно это случилось вчера. Он не получал писем от Мии вот уже три недели; в последнем она восторженно описывала Церемонию посвящения в авионеры. И с той поры – ни строчки.

Конечно, Мия могла быть просто занята. Новая должность, новая работа, новые трудности... Но чем больше проходило времени, тем сильнее Ансель начинал волноваться. А вдруг с ней что-то случилось? Ведь эти авионы – летные машины, какими бы надежными ни были, иногда все равно разбивались, а с ними гибли и их авионеры. Или... неужели она встретила другого?..

Не в силах выносить эту неизвестность, Ансель решил пойти к ее родителям: может, они что-то знают?

Ансель помнил, как моросил мелкий дождь, как тонкими холодными иголочками колот кожу, тихо постукивал по фонарным столбам и по начинающим желтеть листьям, заставлял редких прохожих ежиться и ускорять шаг. В воздухе пахло осенью, горячим кофе и тревогой, и Ансель тоже все ускорял и ускорял шаг, пока не перешел на бег. Но противная морось тут была ни при чем; Ансель несся по безлюдным улицам, словно надеялся куда-то успеть, словно хотел обогнать плохие вести и перехватить их... И откуда только она появилась, эта уверенность, что вести плохие?

Когда дверь открыл отец Мии, Ансель сразу понял, что случилось что-то страшное, – на мужчине буквально не было лица. А в столовой, бессильно опустив голову на сложенные на столе руки, сидела ее мать. При появлении Анселя она даже не шевельнулась.

В ответ на вопросительный взгляд отец Мии молча протянул юноше лист бумаги. Анселю потребовалось прочитать его два раза, чтобы понять, *что* это означает.

И мир навсегда изменился...

У Анселя никак не могло уложиться в голове, что Мия теперь – монкул, это равнодушное, бесцветное механическое существо без чувств, мыслей и эмоций. Только не его Мия. Она всегда была полна энергии! Она была солнечным ветром и ярким светом, она была стихией. Ее жажда жизни завораживала. Она умела находить удивительное в одинаково серых буднях маленького тихого городка, в котором даже птицы, казалось, изнывали от скуки и старались убраться на зимовку как можно раньше. Мию же все радовало, все интересовало: падающие в парке осенние листья и первый снег, выставка паровых двигателей на заброшенном механическом заводе и ремесленные ярмарки, городские праздники и публичные лекции; она брала уроки рисования, изучала историю картографии, состояла в шахматном клубе, играла в теннис и каталась на коньках... Мия страстно любила жизнь во всех ее проявлениях. Любила авионы. И любила Анселя...

Последнее казалось Анселю удивительным. Иногда он задавался вопросом: что такая жизнелюбивая, открытая девушка, как Мия, нашла в нем – немногословном, довольно замкнутом юноше, который не любил большие сборища людей и не грезил о дальних странах, не утруждал себя следовать всем правилам поведения приличного джентльмена в обществе и притворяться, что предел его мечтаний – это стать домохозяином.

Впрочем, какая разница? Главное, они оба нашли свою любовь. Любовь не за что-то и не вопреки, а – «просто». Просто любовь. Просто потому, что рядом с другим каждый из них становился лучшей версией самого себя, чем когда был один...

– На какой срок? – тихо и теперь по-настоящему сочувственно спросила Рина, вырывая Анселя из сети горьких и сладких воспоминаний. Похоже, ему окончательно поверили.

Ансель поморщился, словно от зубной боли.

– Пожизненно.

– О! – выдохнуло сразу несколько человек.

– За что?

Ансель лишь пожал плечами.

– Было написано – за преступление, подробности которого не подлежат разглашению, так как являются государственной тайной.

В помещении бывшего склада пиломатериалов, превратившегося в штаб-квартиру Либера, наступило глубокое молчание.

Его прервали слова Рины – совершенно неожиданные.

– Ты зря приехал в Сирион, – жестко сказала она. – Даже если – а это большое «если» – ты найдешь Мию среди монкулов... Лучше тебе не видеть ее такой.

В ее голосе прозвучал отголосок затаенной боли, и Ансель подумал, уж не из личного ли опыта она дает ему такой совет...

– Понимаю, – с трудом произнес он. – Но я приехал не только для того, чтобы ее отыскать... Хотя именно поэтому я и шляюсь ночами по улицам – хочу ее увидеть. Хочу – и боюсь... Но моя основная цель – узнать, за что ее приговорили к пожизненному сроку.

Рина внезапно поднялась, передвинула ящик, на котором сидела, поближе к Анселю и ободряюще потрепала юношу по плечу.

– Это очень хорошая цель. Достойная, благородная. Я уважаю тебя за нее. Seriously. Но ты же наверняка понимаешь, получить информацию о государственной тайне практически невозможно. А уж от Министерства полетов, в котором состояла твоя девушка, – тем более; в стране нет министерства более важного и потому более закрытого для посторонних.

– Я это прекрасно понимаю, – ответил Ансель и, заметив сомнение в обращенных на него взглядах, добавил: – Но ведь тем, кто состоит в министерстве, наверняка получить такую информацию куда проще...

– Даже если ты попадешь туда клерком, допуск у тебя будет в лучшем случае к общей столовой, – покачала головой Рина. – Мы уже несколько раз пытались устроить туда своих людей на разные должности, но все без толку. Для мало-мальски приличного доступа нужно занимать какую-то более серьезную позицию.

– Именно такую позицию я и собираюсь получить, – заявил Ансель.

– Пусть ты не из столицы, но... ты же знаешь, наверняка должен знать, – осторожно и очень аккуратно, словно с душевнобольным, которому приходится напоминать прописные истины, заговорила Рина, – что на подобные должности в Министерстве полетов тебе путь заказан, потому что ты – мужчина.

– А я придумал, как это обойти, – спокойно кивнул Ансель.

– И как же?

– Не обязательно быть авионером, чтобы стать вхожим в Министерство полетов. Можно стать, ну, например, механикером...

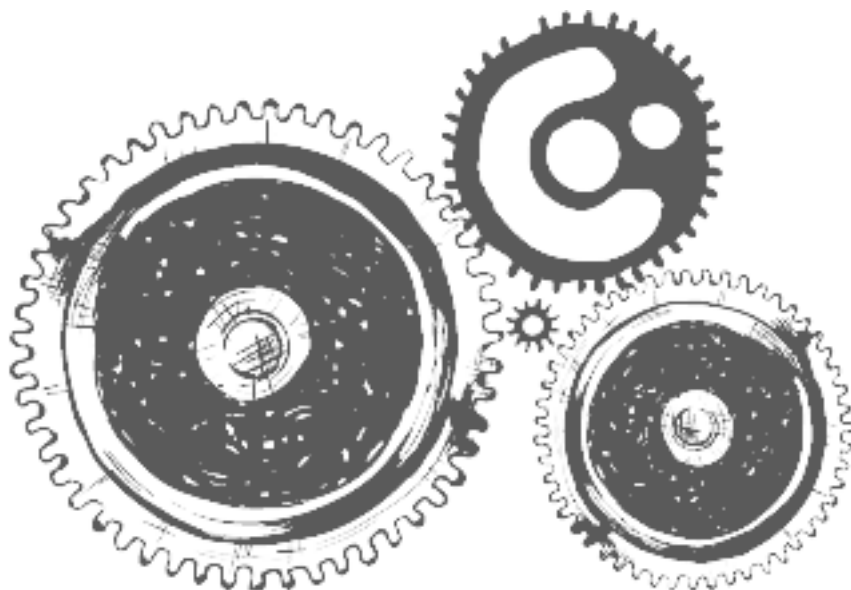
– Но мужчин не берут в механикеры!

– Не брали, – поправил Ансель. И медленно улыбнулся.

Глава

4

– Из какой-то Кибири, представляете? – донеслась до Ники язвительная реплика, когда она подходила к классной комнате, где вот-вот должно было начаться первое занятие. – Кто-нибудь вообще хоть раз в жизни слышал такое название? Глухомань! Уверена, они даже банальный телеграф и в глаза не видели! И едят, как дикари, руками...

Сквозь приоткрытую дверь Ника увидела, как за передней партой собралась небольшая стайка ее одноклассниц, будущих авионер. Ехидные реплики принадлежали белокурой красотке Ванессе, а девушки вокруг с готовностью поддакивали.

– К тому же, вы только подумайте, ее вырастил отец-одиночка! – продолжала вещать Ванесса своим благодарным слушательницам.

И вот тут Ника, которая поначалу собиралась просто войти и ничего не говорить, чтобы не раздувать скандала, передумала. Одно дело – говорить гадости о таких общих вещах, как общество, погода или поэзия; неприятно, но на личном уровне никого так уж особенно не задевает. Совсем другое – говорить гадости о вполне конкретных людях. Например, о ее отце. Кстати, откуда Ванесса об этом узнала? Ника никому не рассказывала, что ее мать ушла из семьи, когда дочке не было и двух лет.

«Видимо, узнала из анкет», – решила девушка. В течение месяца до начала Церемонии камней всех кандидаток тщательно проверяли – авионерами должны становиться лишь наиболее достойные. В случае с Никой все вышло иначе: она разбудила аэролит до каких-либо проверок. «Но это не значит, что мы не должны узнать о тебе все, что положено», – пояснила ей одна из преподавательниц школы и выдала стопку формуляров и ручку с чернильницей. В одной из тех анкет Ника указала сведения о родителях. Точнее, об отце, так как о матери ничего не знала, даже имени. Выходит, у Ванессы есть связи в министерстве, раз она так легко раздобыла конфиденциальную информацию.

Больше всего Нике хотелось ворваться в классную комнату и выпалить:

– А что в этом такого? Неполные семьи и отцы-одиночки – совсем не редкость!

Но это было бы очень похоже на оправдание, на попытку защититься. А последнее, чего Нике хотелось – это защищаться перед такими, как Ванесса.

– Интересно, кто у нее отец? Наверняка какой-то пьяница! Всем известно, что, когда мужчины остаются без присмотра женщин, они начинают пить, – подала голос Вильма; она словно старалась всеми силами заглядывать перед подругой незримую вину за то, что у нее есть аэролит, а у Ванессы нет: с готовностью подхватывала ее реплики, громко смеялась над любимыми ее шутками и преданно заглядывала в глаза.

Ванесса одобряюще улыбнулась подруге и продолжила:

– Скорее всего, именно из-за отца она и не прошла проверку, когда подала заявление. Да уж, хорошая из нее выйдет авионера! Давно доказано, что отцы-одиночки, и тем более пьяницы, не могут воспитать полноценного человека и их дети в большинстве своем становятся неудачниками или даже... преступниками!

Ладони Ники сами собой сжались в кулаки. Ее отец был замечательным человеком – любящим, честным и порядочным. Прекрасный школьный учитель, его обожали ученики и уважал весь город!

Как раз сегодня перед занятиями Ника забежала на почту и отправила письмо в Кибирь. И почувствовала, как сжимается сердце, когда увидела, как ее конверт отправился в пачку с другими отправлениями. Прошло всего несколько дней, а Ника уже очень скучала по отцу... И она больше не сердилась на то, что из-за его попыток в прошлом работать врачом она едва не лишилась возможности стать авионерой.

Ника не стала ждать, сколько еще яда выплеснет на нее разочарованная своей неудачей с аэролитами красотка. С такими, как Ванесса, вежливость не работает; наоборот, нужно сразу бросаться в бой. И бить наотмашь.

– Может, я стану и не лучшей авионерой, – громко и отчетливо произнесла Ника, входя в классную комнату, – зато ты не станешь вообще никакой.

Разумеется, Ванесса даже не покраснела – таких можно застать на месте преступления, и они и глазом не моргнут. Но Ника видела, что удар достиг цели.

– А ты что тут делаешь? – огрызнулась Ванесса. – Подслушиваешь?

– Я пришла на свои занятия, – отчеканила Ника. – А вот что здесь делаешь ты? Разве твое место не в Конструкторской? Среди таких же неудачниц?

А вот теперь Ванесса покраснела. Не от стыда – от ярости.

– Не твое дело, – процедила она.

Ника улыбнулась. Когда вместо ответа тебе говорят «не твое дело», значит, собеседнику крыть нечем... пусть даже сам он этого еще и не понял.

Она отвернулась и осмотрела классную комнату, выбирая свободную парту, за которую можно было сесть, но, услышав за спиной негромкое «вульгарная хамка», снова обернулась и обвела внимательным взглядом примолкших девиц. Кое-кто все-таки опустил глаза, и это внушало надежду – значит, не у всех напрочь отсутствует совесть. Остановив взгляд на вызывающе уставившейся на нее Ванессе, Ника негромко произнесла:

– Положим, я – вульгарная хамка. Но у меня хватает смелости высказывать свои претензии в лицо. Вы же трусливо обсуждаете людей за их спинами и выдумываете гадости... Интересно, кем это делает *вы*?

После чего резко вскинула голову и, едва не чеканя шаг, вышла из класса.

Только завернув за угол коридора, Ника выдохнула и прислонилась спиной к стене. Колени дрожали, и, казалось, даже руки ослабли от напряжения. Она догадывалась, что коллектив будет в основном столичный, а значит, ей придется непросто – на нее будут смотреть свысока, возможно, не захотят принять в свою компанию... Да, Ника понимала, что предстоят трудности, и даже пыталась к ним подготовиться. Однако, как ни готовься, а первое подобное столкновение в реальности оказывается куда более неприятным, чем то, что старательно рисовало воображение.

Ника сделала несколько глубоких вдохов. Все это неважно – ни злословие Ванессы, которая, кстати, даже с ними и не учится, ни высокомерие других девушек. Авионы и полеты – вот все, что имеет значение.

С этими мыслями Ника расправила плечи и решительно направилась обратно в класс.

* * *

Тайрек выругался, когда прокатившая мимо конка обдала его из лужи и до колен забрызгала грязью. Мало того что он опаздывает, так теперь еще и явится в неряшливом виде.

Но выбора не было. Поэтому, подойдя к массивному, немного похожему на крепость зданию из красного кирпича с внушающей уважение и трепет надписью «Министерство труда и исправления», идущей через весь фасад, Тайрек не колебался: уверенно подошел к дверям и толкнул их – так, словно имел на это полное право.

– Сообщите, пожалуйста, в рекрутский отдел, что Тайрек эр Трада пришел на новое рабочее место, – сказал он мужчине, стоящему за приемной стойкой на входе. Тот был в строгом костюме-тройке в полоску, с жестким воротничком, безжалостно впивавшемся ему в подбородок, на лице – не менее строгое выражение; он явно относился к своей должности очень серьезно.

Мужчина удостоил Тайрека лишь намеком на кивок, что было неудивительно при таком немилосердно жестком воротничке, а затем поднял трубку телефонного аппарата и вызвал рекрутский отдел.

Тайрек покачал головой. Лишь самые солидные организации могли позволить себе содержать частные телефонные линии для внутренней связи. Впрочем, чему он удивляется? Это же Министерство труда и исправления! Выше его могло быть разве что Министерство полетов.

– За вами скоро придут, прошу обождать, – сообщил мужчина и указал глазами на два неудобных стула для посетителей, что стояли у стены.

Тайрек послушно уселся на жесткое сиденье. Отсюда можно было рассмотреть просторный холл и мозаичный узор пола, а также угол широкой лестницы и край массивных деревянных перил. По лестнице деловито сновали туда-сюда самые разные люди с сосредоточенными лицами и пухлыми папками с бумагами в руках.

«Скоро я буду одним из них», – с удовлетворением подумал Тайрек; воображение уже нарисовало ему собственный дубовый стол у дверей в кабинет – а, чего мелочиться? – самой министра труда.

– Ты опоздал, – прервал его мечты насмешливый голос.

Тайрек вскочил. Рядом с ним стоял мужчина лет двадцати пяти – двадцати семи, элегантно худощавый и романтически бледный, в сюртуке с сильно зауженной талией и гладко прилизанными помадой светлыми волосами.

– Прошу прощения, больше не повторится, – смиренно сказал Тайрек, не собираясь, впрочем, оправдываться.

Мужчина изогнул бровь и посмотрел так, чтобы без слов стало понятно все, что он думает о человеке, опаздывающем в свой самый первый рабочий день.

– Эверт эр Крама, – наконец представился он. – Старший секретарь департамента. Следуй за мной.

Два пролета по парадной лестнице, тридцать ярдов по широкому, словно проспект, коридору, устланному толстыми коврами, два поворота, еще один пролет по лестнице, но на сей раз уже очень скромной, и Тайрек оказался в огромном шумном помещении, наполненном людьми, бумагами, звоном телефонов и стрекотом телеграфа.

Эверт уверенно провел Тайрека через эту какофонию к солидным двойным дверям, ведущим в чей-то кабинет. Перед ними стоял массивный дубовый стол с печатной машинкой, телефонным аппаратом и двумя высокими стопками папок и бумаг.

Старший секретарь постучал в дверь, не дождавшись ответа, быстро заглянул в кабинет и повернулся к Тайреку:

– Тебе повезло, мадам рей Старк сегодня задерживается, так что твое опоздание останется без последствий... Итак, по результатам твоей экзаменации было принято решение назначить тебя секретарем к замначальнице департамента новых исправительных технологий. Надо сказать, нам всем о-очень любопытно, за какие такие заслуги новичку дали такую высокую позицию...

Вопреки всем правилам поведения джентльмена в приличном обществе, Тайрек с независимым видом засунул руки в карманы и заявил:

– Я набираю до ста знаков в минуту на печатной машинке, у меня очень хороший почерк, и я почти не оставляю клякс.

– Да, не сомневаюсь, что именно за это, – скривил губы Эверт, всем своим видом давая понять, что думает о смазливых юношах-блондинах с голубыми глазами и пухлыми губами, закулисно получающих такие высокие назначения.

– Что, было много желающих на это место? – понимающе ухмыльнулся Тайрек. – И кого из обиженных мне стоит опасаться больше всего?

– Кофе варить умеешь? – проигнорировал его вопросы Эверт. – Мадам рей Старк любит черный кофе по утрам. Прачечная, которую она использует, находится на соседней улице, два раза в неделю нужно забирать оттуда ее одежду. Мадам рей Старк не любит, когда бумаги складывают пополам, и терпеть не может шашни на работе. Ясно?

– Ясно.

– Вопросы?

– Пока нет.

Эверт развернулся и ушел, оставив Тайрека обживать на новом месте. Первым делом тот примерился к стулу и, обнаружив, что он, в отличие от своего собрата в приемной, весьма удобен, с удовольствием в нем развалился. Оценив постучал по клавишам печатной машинки, те отозвались четким звоном. Снял трубку с позолоченной вилки телефона, поднес к уху и протараторил, притворяясь, будто отвечает на звонок:

– Приемная мадам рей Старк, чем могу помочь?

Внезапно от входа в зал до него донесся шорох приветствий.

– Доброе утро, мадам рей Старк.

– Мадам рей Старк, здравствуйте!

– Рады вас видеть, мадам рей Старк.

Тайрек вскочил со стула и вытянул шею, стараясь рассмотреть свою начальницу. Он полагал, что она будет дамой в годах – все-таки должность солидная, – в строгом костюме, пошитом по мотивам летной формы, – последнее веяние моды в этом сезоне для деловых нарядов, – и, возможно, даже с тонкой сигаретой в длинном мундштуке.

Мадам рей Старк стояла неподалеку и слушала Эверта. Тайрек не видел ее лица; все, что он мог рассмотреть со спины, это копну пышных темных волос и нарядное сочно-зеленое платье. И это как-то плохо вязалось с образом дамы в годах.

– Спасибо, Эверт, – услышал он голос дамы. Холодный и почему-то немного знакомый...

Мадам рей Старк повернулась, и Тайрек замер от неожиданности.

– Ты? – воскликнула Вивьен. – Что ты здесь делаешь? – Она обвиняюще наставила на него палец.

– Я... – Тайрек облизал внезапно пересохшие губы. – Кажется, я – ваш новый секретарь, мадам рей Старк.

– Как бы не так! – возмущенно заявила Вивьен и яростным вихрем пронеслась мимо него.
– Вижу, вы уже знакомы, – крайне заинтригованный, пробормотал незаметно подошедший Эверт.
– Разве что самую малость, – рассеянно отозвался Тай-рек, провожая Вивьен взглядом.
«Вот это я влип!»

* * *

Как и предупреждала Санна, на следующий день после Церемонии камней Конструкторская пополнилась новыми ученицами – несколькими девушками очень разной внешности, но с очень похожим настроением: мрачным, подавленным, раздраженным. Особенно ярко свою досаду проявляла красивая блондинка в совершенно неподходящем для работы механикеры шелковом платье, отделанном тонкими кружевами; она то и дело недовольно поджимала губы, и это сильно портило безупречность ее прекрасного лица.

Мадам рей Брик распределила новеньких за свободные столы. Ансель почти не удивился, когда понял, что блондинка, которую звали Ванесса, будет работать по соседству с ним. Жизнь всегда щедра на подобные мелкие пакости. Он с первого взгляда понял, что характер голубоглазой красавицы, и без того скверный, стал еще хуже после Церемонии камней, и приготовился к тому, что срывать свою злость она, разумеется, будет на самой удобной для этого мишени – на нем.

Так и случилось. Брезгливо оглядывая Конструкторскую, Ванесса не сразу заметила Ансея, а когда увидела, то незамедлительно возмутилась.

– Мадам рей Брик, с каких это пор тут работают мужчины?

Инженер ответила, не отвлекаясь от лежащего на ее столе руля крена, который она вот уже несколько дней модифицировала:

– С тех самых, когда появился такой, который кое-что смыслит в авионах.

– Но меня оскорбляет его присутствие! – капризно заявила Ванесса. – Почему я должна его терпеть?

На этот раз мадам рей Брик оторвалась от своего занятия, медленно подняла рабочие гогглы на лоб и оценивающе посмотрела на Ванессу.

– Можешь не терпеть, – наконец равнодушно бросила она и махнула рукой: – Выход там. Ванесса насупилась. Но не ушла.

– Это возмутительно! Я буду жаловаться, – тихо пробурчала она. И действительно на первой же перемене куда-то убежала.

Ансель понял, что у Ванессы влиятельные родственники, когда после обеда в Конструкторскую зашла мрачно одетая дама со старомодным шиньоном на голове и жестом подозвав к себе мадам рей Брик, что-то долго ей втолковывала, время от времени бросая косые взгляды на Ансея.

«Неужели меня выкинут из-за каприза вздорной, обиженной на весь свет девушки?» – подумал он.

Инженер слушала, невозмутимо скрестив руки на монументальной груди, а когда собеседница закончила свою речь, произнесла лишь несколько коротких слов, от которых дама с шиньоном возмущенно порозовела и, поджав губы, выбежала из Конструкторской.

Ванесса проводила ее растерянным взглядом – белокурая красotka явно не привыкла к тому, чтобы не получать желаемое.

– Грета рей Торн – родная тетка Ванессы, – шепотом сказала Анселю Санна и, поняв, что это имя ему ни о чем не говорит, пояснила: – Она – глава департамента авионостроения в Министерстве полетов. Очень важная персона. А мать Ванессы, Лива рей Торн, известная авионера-первооткрывательница. Не Кейва рей Линн, конечно, но все равно значимая фигура.

Это она первой исследовала на своем авионе южную часть Винландии и пересекла Облачные горы. Сам понимаешь, с подобными связями Ванессе была только одна дорога – на самый верх Министерства полетов. Только вот на такой исход Церемонии камней они наверняка не рассчитывали...

Санна усмехнулась и с каким-то внутренним удовлетворением добавила:

– В этом одна из прелестей аэролитов – им плевать, кто у тебя родители. Будь они хоть трижды герои, они все равно не прикажут летным камням признать тех, кого аэролиты признавать не хотят...

Ванесса, словно почувствовав, что говорят о ней, хлестнула по Санне ледяным взглядом красивых голубых глаз...

– Это она еще в «Крыльях ветра» не была, – шепнула девушка.

– А что там? – спросил Ансель. Он не раз проходил мимо этого бистро, находившегося прямо в здании Министерства полетов, в самом конце правого крыла, но никогда там не обедал, сэкономил деньги.

– Формально бистро открыто для всех работников министерства, но там работают такие снобы, которые считают достойными лишь авионер и официальных должностных лиц. На механикер смотрят сверху вниз, сажают за самые плохонькие столы и обслуживают крайне неохотно. Вот уж где Ванесса разозлится!

Неторопливо текли недели, наполненные лекциями и практическими занятиями. А поскольку скоро выяснилось, что Ансель уже выучил весь материал самостоятельно, мадам рей Брик поручила ему конструировать точные копии одно-фюзеляжных бипланов, и тот с энтузиазмом принялся за дело.

Ванесса по-прежнему сидела за соседним столом. Ансея она теперь демонстративно игнорировала, что, впрочем, вполне устраивало последнего. Всегда нарядная, словно явилась на светское мероприятие, а не в рабочую мастерскую, красавица зевала на лекциях, скучала над учебниками, игнорировала домашние задания и жаловалась на каждую мелочь.

Ансель был уверен, что однажды она просто бросит ходить на занятия, это лишь вопрос времени.

Но прошла одна неделя, вторая, третья, а Ванесса по-прежнему исправно появлялась в Конструкторской, хотя было совершенно очевидно, что авиомеханистика ей и не интересна, и не нужна.

И Ансель никак не мог понять, зачем же ей заставлять себя заниматься нелюбимым делом; ведь с ее связями ей были открыты любые дороги!

* * *

В глубине души Ника опасалась, что им придется очень долго сидеть в классных комнатах и изучать теорию, прежде чем их допустят к настоящим авионам. Однако уже через неделю девушкам сообщили, что в конце октября будут проходить первые практические занятия на аэродроме. То есть всего через каких-то три недели! И от этой новости сразу стало веселее.

Впрочем, и уроки оказались по-настоящему интересными. По крайней мере для Ники. Прежде она считала, что главное для авионеры – узнать, как пользоваться возможностями своего аэролита; она и подумать не могла, что, кроме этого, ей потребуется изучить массу других, крайне важных для успешных полетов вещей. Например, картографию. Или как высчитать траекторию оптимального взлета и приземления. Или как учесть влияние ветра и погодных условий на авион. Или как проложить маршрут. И даже как устроены летные машины и как самостоятельно устранить распространенные неполадки в механизмах. Словом, год обучения в летной школе обещал быть насыщенным.

История Арамантиды с углубленным изучением роли авионавтики тоже оказалась весьма увлекательной. Может быть, она и не помогала овладевать навыками управления авионами, но схемы и карты воздушных боев, хроники завоевания вражеских земель, подавления восстаний и анализ ключевой роли авионных подразделений в этих событиях помогали лучше понимать ту важную функцию, которую предстоит выполнять будущим авионерам. И функция эта была куда более важной, чем просто управление летными машинами: авионеры стояли на страже Империи и ее устоев. Были ее персонифицированными воплощениями.

И конечно же не проходило и дня без того, чтобы на уроках не обсуждали последние события с мыса Горн, а событий всегда хватало: то вражеский патруль пролетел слишком близко к границе, то пресекли попытку тайного прорыва на территорию Арамантиды, а то и вовсе произошло прямое вооруженное столкновение. Новости о мысе Горн Ника теперь слушала с особым вниманием, и ее сердце каждый раз замирало от мысли, что через какое-то время она может оказаться там... И уже совсем скоро! Это только кажется, что до восемнадцати лет и до окончания стажировки еще далеко, а на самом деле время пролетит в мгновение ока! И через каких-то два-три года на уроках в летной школе уже другие девушки станут слушать о том, как героические авионеры, среди которых будет и Ника, охраняют границы родной страны.

А вот что не на шутку удивляло Нику, так это то, что им не преподавали никакой теории по взаимодействию с аэролитом. Сказали, что это постигается лишь на практике. Иначе говоря, учиться управлять своим летным камнем девушкам предстоит одновременно с тем, как они начнут летать.

Ника с жадностью впитывала новые знания. Особенно ей нравились уроки, которые проводила грубоватая мадам рей Брик, главный инженер имперской Конструкторской. Та использовала теневой проектор, чтобы наглядно показать, как устроены крыло, фюзеляж, оперение, шасси и прочие части авиона, а потом раздавала небольшие деревянные копии авионов, повторяющие оригиналы в мельчайших подробностях, моделировала ситуации аварий и предлагала будущим авионерам решать эти проблемы.

– Зачем? – недовольно спросила Вильма на первом уроке. – Разве к авиону в довесок не прилагается механикера?

Своими манерами девушка старательно копировала Ванессу. И не только манерами: Ника была готова поклясться, что, хотя на самых первых занятиях Вильма была шатенкой, постепенно ее волосы становились все светлее и светлее. Впрочем, если волосы можно осветлить за несколько приемов, то для того, чтобы добиться таких же манер, как у Ванессы, требовалось куда больше времени, и пока Вильма значительно уступала той в высокомерии и непоколебимой уверенности в собственном превосходстве. И тем не менее, вырвавшись из тени бывшей подруги, Вильма упорно стремилась занять ее место – место ни в чем не знающей отказа королеве, объекте всеобщей зависти, поклонения и обожания окружающих.

– В довесок на рынке яблоки дают, – процедила мадам рей Брик; ей вопрос Вильмы откровенно не понравился. – А механикеры – не вещи, они не прилагаются к авионам и не являются вашими служанками, дамы будущие авионеры, зарубите это себе на носу. Аэролиты – далеко не единственное, что требуется для полетов, для них нужны еще и собственно авионы. И именно механикеры конструируют летные машины. Именно механикеры поддерживают их в исправном состоянии. Никакой аэролит не спасет ваши шкуры, если у вашего авиона не сбалансировано оперение или заклинило шасси. Так что в определенном смысле ваша жизнь и жизнь ваших авионов зависит от того, насколько хорошо механикеры выполняют свою работу... Но и вам нужно знать основы: если поломка случилась вдали от цивилизации, механикеры рядом не будет, и ремонтом придется заниматься вам самим.

Нику резкая речь мадам рей Брик по-настоящему впечатлила. И убедила. Но возможно, девушке просто не хватало столичного высокомерия; она заметила, что ее однокашницы про-

должали относиться к механикерам пренебрежительно, считая их людьми второго сорта. И что-то Нике подсказывало: это отношение сохранится в девушках и после окончания школы.

«А если бы Ванесса училась с нами, то было бы еще хуже», – не раз думала Ника; таким высокомерием и надменностью, как у этой белокурой красавицы, никто больше не отличался, даже Вильма, хотя та очень старалась. Вот и ее реплика про довесок – явно в стиле Ванессы.

Порой Нике казалось, что Вильма так усердно копирует бывшую подругу лишь потому, что привыкла постоянно быть в тени, на вторых ролях, и сейчас, внезапно оказавшись под светом софитов, все никак не может поверить, что теперь она сама играет главную роль.

Визиты Ванессы в летнюю школу тоже регулярно подрывали уверенность Вильмы в себе. И неважно, что белокурая красотка теперь стала механикером; стоило ей появиться в классе, и она тут же перетягивала все внимание на себя.

Ванессе, похоже, очень не хотелось мириться с тем, что она больше не принадлежит к тому кругу девушек, в котором когда-то была главной звездой. И поэтому она старалась как можно дольше сохранить свое влияние – заглядывала на переменах, приходила на обеденный перерыв и даже как-то пригласила всех на вечеринку к себе домой.

Ника идти совершенно не хотела, так как считала, что Ванесса ее позвала лишь для того, чтобы наглядно продемонстрировать лежащую между ними громадную социальную пропасть. Но одноклассницы уговорили Нику пойти с ними.

Дом рей Торнов поражал богатством и великолепием, и Ванесса вела себя в нем как самая настоящая королева, раздавая приказы вышколенным слугам-мужчинам и даже находящимся в личном распоряжении их семьи монкулам. Ника и не знала, что такое возможно, она была уверена, что монкулами может пользоваться только государство.

Глядя на царившую вокруг поразительную роскошь, Ника начинала понимать, откуда у белокурой красавицы такая уверенность, что в ее жизни все будет непременно так, как она захочет. Вероятно, то, что Ванесса не смогла разбудить аэролит, стало для нее жестоким ударом – вряд ли когда-нибудь прежде она чего-то не получала.

Закуски были потрясающе вкусными, напитки – разнообразными, а развлечения, по мере того как шел вечер, все более и более некомфортными. По приказу Ванессы надсмотрщик монкулов отдал команду через свисток, и монкулы встали на четвереньки, чтобы девушки могли на них сидеть, хотя вокруг хватало кресел и диванов. Ванесса первой подала пример, и после некоторых колебаний гости тоже расселись на эти живые стулья. Лишь немногие, включая Нику, остались стоять.

Позже Ванесса предложила нескольких монкулов разрисовать, будто те были живыми холстами, и будущие авионеры с энтузиазмом принялись за дело. Наконец, сказав, что это будет забавно, Ванесса приказала, чтобы монкулы дрались друг с другом. Зрелище безжизненных существ, вяло наносящих удары друг по другу, вызывало у Ники самое настоящее отвращение.

В самый разгар этого действия в зале появилась высокая дама в кожаном плаще авионеры. Черты ее лица были резкими, словно рублеными, черные с проседью волосы гладко зачесаны назад, губы слегка изгибались в улыбке, но темные глаза смотрели холодно.

– Добрый вечер, дамы, – поприветствовала она. – Веселимся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.